ЭТО МОНТАЖ

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

Марк Вельский

Это монтаж

«Автор»
2026

Вельский М.

Это монтаж / М. Вельский — «Автор», 2026

Виктория случайно становится свидетельницей жестокого убийства. Она успевает снять преступника на телефон. Его лицо отчётливо видно на записи. Казалось бы, этого достаточно, чтобы убийцу нашли.Но вскоре интернет заполняют десятки версий того же видео. На каждой — другой преступник. А затем появляются записи, на которых уже сама Виктория совершает чудовищные поступки.Кто-то методично уничтожает доверие к единственному настоящему доказательству.Виктория понимает: убийца заметил её и теперь охотится за ней. Он умеет создавать убедительную ложь с помощью нейросетей, манипулировать людьми и превращать чужую жизнь в кошмар.Чтобы выжить, ей придётся вступить с ним в опасную интеллектуальную дуэль, где каждый следующий ход может стать последним.Что делать, если у тебя есть доказательство убийства, но никто больше не верит собственным глазам?«ЭТО МОНТАЖ» — напряжённый криминальный технотриллер о цифровой лжи, страхе разоблачения и цене правды.

© Вельский М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек в кадре 6
Глава 2. Снимайте дальше 14
Глава 3. Девять секунд 23
Глава 4. Когда камера выключена 32
Глава 5. Доступ до публикации 40
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Марк Вельский
Это монтаж

МАРК ВЕЛЬСКИЙ
ЭТО МОНТАЖ
Психологический криминальный технотриллер

Глава 1. Человек в кадре

Виктория сначала подумала, что мужчина помогает женщине подняться.

Они стояли внизу, в узком служебном проезде между двумя корпусами бывшей типографии. Женщина прислонилась спиной к кирпичной стене, мужчина придерживал её за плечи. С высоты третьего этажа невозможно было рассмотреть выражения их лиц, но всё происходило как-то неправильно: слишком близко друг к другу, слишком неподвижно, будто в проезде остановили незнакомый Виктории фильм.

Она уже собиралась отойти от окна, когда женщина ударила мужчину ладонью по лицу.

Он даже не отступил.

Виктория машинально посмотрела на часы. Двадцать три семнадцать. Четверг почти закончился, а она всё ещё торчала в монтажной студии, потому что заказчик шесть раз менял последние четыре секунды рекламного ролика. В здании остались только уборщица на первом этаже и охранник, который после десяти вечера переходил в соседний корпус. Если застрянет лифт, ждать придётся до утра.

За стеклом женщина попыталась уйти. Мужчина перехватил её поперёк дороги.

— Да что же ты делаешь, — тихо сказала Виктория.

Она достала телефон.

В такие моменты человек редко понимает, зачем начинает снимать. Позднее Виктория будет утверждать, что хотела зафиксировать нападение. На самом деле её первый импульс был проще: между ней и происходящим внизу должно было появиться что-нибудь ещё. Экран. Рамка. Возможность смотреть не прямо.

Камера включилась не сразу. Палец попал на значок фонарика, и на секунду стекло отразило белый свет. Виктория отключила его, приблизила изображение и упёрла локоть в оконный откос.

Мужчина развернул женщину лицом к стене. Та отчаянно искала рукой опору, скользя по мокрому кирпичу. Её сумка упала на асфальт. Из неё выкатился маленький круглый футляр и остановился у бордюра.

У мужчины было обычное лицо. Это Виктория запомнила особенно отчётливо. Не уродливое, не отталкивающее. Человек лет сорока, без бороды, с тёмными волосами, аккуратно уложенными назад. Свет над служебной дверью падал на его лицо сверху, и глубокие тени лежали только под глазами.

Затем он сделал движение, которого Виктория поначалу не поняла.

Женщина резко обмякла.

Виктория перестала дышать.

Мужчина удерживал её ещё несколько секунд, потом осторожно опустил на мокрый асфальт. Так можно опустить тяжёлую коробку, не желая повредить содержимое. Он присел рядом, всмотрелся в лицо лежащей, коснулся её руки.

И только после этого поднял голову.

Он смотрел точно в окно Виктории.

Она отшатнулась, ударившись плечом о шкаф с проводами. Телефон дёрнулся в руке. На записи остались перекошенная оконная рама, полоска потолка, собственное резкое дыхание.

Когда Виктория снова посмотрела вниз, мужчина стоял. Он не бежал, не прятал лицо. Он держал перед собой телефон — коротко, на уровне груди, направив его вверх.

Он тоже снимал.

Не проезд, не женщину на асфальте. Её окно.

Виктория резко погасила экран и пригнулась.

Первым делом она набрала экстренную службу. Название улицы выговорила со второго раза, потом сказала про нападение, женщину, служебный проезд и мужчину, который всё ещё мог находиться рядом. Оператор попросил не подходить к месту происшествия и оставаться в безопасном помещении.

Безопасном.

Виктория оглянулась на пустой коридор, видимый через стеклянную стену монтажной.

У входов работала электронная пропускная система. Внутри оба корпуса соединяла общая лестница и переход на третьем этаже: арендаторы пользовались ими для погрузки оборудования. После проверки пожарной безопасности на пути к лестнице убрали запирающиеся изнутри замки. Дверь самой студии закрывалась отдельно, но Виктория оставила её открытой, когда выходила из монтажной.

Мужчина внизу мог быть здесь уже через минуту.

Она схватила сумку и куртку. На столе остался открытый проект с совершенно неуместной финальной надписью: «Всё, что нужно для счастливого завтра».

В коридоре горел каждый второй светильник. Виктория остановилась у лестничной двери, прислушалась. Снизу доносился гул вентиляции. Никаких шагов.

Она толкнула дверь.

На площадке второго этажа кто-то шуршал пакетом.

Виктория замерла, прижимая телефон к груди.

— Эй? — спросила она.

Шуршание прекратилось.

Потом женщина за дверью, видимо услышав её голос, раздражённо произнесла:

— Опять свет на втором не горит. Хоть глаз выколи.

Уборщица. Виктория чуть не рассмеялась от облегчения.

Она спустилась на один пролёт и увидела Зою Петровну: широкое пальто поверх рабочей формы, пакет с пустыми бутылками для воды, связка ключей на запястье. Уборщица прищурилась.

— Ты чего такая белая?

— Там человека убили. Во дворе.

Зоя Петровна посмотрела на неё так, словно Виктория сообщила о сломанной кофемашине.

— Кого?

— Женщину. Я вызвала полицию. Не выходите на улицу. Пожалуйста.

— Господи, — сказала уборщица и не сразу добавила: — А ты куда?

Виктория не знала.

Прятаться в закрытом здании, план которого знаком ей одной? Бежать к улице, где мужчина мог ждать за углом? Она никогда не считала себя трусливой. Просто до этой минуты все опасности в её жизни имели понятный размер: потерять работу, не выплатить ипотеку, поссориться с подругой. Их можно было обсудить, просчитать, иногда переждать. У того, что лежало сейчас в служебном проезде, размера не было.

— Вниз, в холл. Там камеры, — сказала она наконец. — Пойдёмте со мной.

Зоя Петровна не стала спорить.

На первом этаже Виктория нашла охранника по внутреннему номеру, который был приклеен к стойке. Он пришёл из соседнего корпуса с термосом в руке и недовольством на лице, но, увидев экран телефона, поставил термос на пол.

— Это сейчас?

— Пять минут назад.

Охранник досмотрел запись до момента, когда мужчина поднял голову.

— Он тебя увидел?

— Да.

— У нас двор весь на камерах, — сказал охранник и потянулся к рации.

— Тогда сохраните записи. Сразу. Не просто посмотрите.

Он покосился на неё. Виктория сама удивилась тону: раньше она не отдавала распоряжений людям, которых видела впервые. Но охранник кивнул.

Пока они ждали полицию, она начала сохранять копии. В 23:31 закончилась загрузка в личное облако; в 23:39 файл ушёл Ире. Исходник на телефоне Виктория не трогала. В студии она монтировала рекламу и знала, как легко потерять важную мелочь при пересохранении. Сейчас ей хотелось удержать всё: лицо мужчины, дрожание руки, даже собственную ошибку с фонариком.

Ира ответила сразу.

«Где ты?»

«На работе. Полицию вызвала».

«Ты сама цела?»

«Да».

После короткой паузы пришло ещё одно сообщение:

«Вика, он посмотрел прямо в тебя».

Это была первая фраза, после которой Виктория по-настоящему испугалась.

Потому что Ира была права. Мужчина не просто заметил свет в окне. Он нашёл взглядом человека, которого с третьего этажа едва можно было разглядеть. И почему-то не попытался скрыться сразу.

Полиция приехала через двенадцать минут. Приехала и скорая, но Виктория уже понимала, что медицинская помощь женщине не понадобится. Она стояла в холле, когда во двор прошли люди в тёмной одежде; увидела на экране охраны пустой проезд и неподвижную фигуру у кирпичной стены. Мужчины, который смотрел в её окно, там не было.

Её попросили рассказать всё сначала.

Она рассказывала, сбивалась, возвращалась назад. В какой-то момент один из прибывших, худощавый мужчина с коротко подстриженными седыми висками, спросил:

— Кроме вас кто-нибудь видел нападавшего?

— Не знаю. Уборщица была в здании, но она не видела.

— Запись пришлёте нам оригинальную?

— Конечно.

— И пока лучше её нигде не публиковать.

— Почему?

— Потому что мы ещё не установили все обстоятельства.

Это звучало разумно. Виктория даже кивнула.

Но примерно в половине первого ночи она узнала, что запись уже гуляет по городским каналам.

Кто-то снял на телефон монитор охраны. На плохом, рябящем изображении было видно женщину на асфальте и свет служебной двери. Подпись утверждала, что у типографии произошло «постановочное нападение для рекламного ролика». В комментариях смеялись, обсуждали бюджет съёмки и качество актёрской игры.

Виктория смотрела на эти слова и чувствовала странную злость. Не на людей, которые не знали правды. На то, что для них происходящее уже стало развлечением.

Она открыла собственный аккаунт — небольшой, почти пустой, где изредка выкладывала фотографии улиц и готовые рекламные ролики. Добавила оригинальное видео, отрезав только несколько последних секунд, на которых была видна дверь их студии. Написала: «Я снимала это сама. Это произошло сегодня. Женщина погибла. Пожалуйста, не называйте это постановкой».

Перед публикацией колебалась почти минуту.

Если убийца видел её, теперь он мог узнать имя.

С другой стороны, ей хотелось, чтобы кто-то ещё видел его лицо. Не один следователь. Не один охранник. Много людей. Сотни. Тысячи. Она подумала, что известность может стать защитой.

Нажала «Опубликовать».

Первый комментарий появился через одиннадцать секунд.

«Фейк».

Второй — через двадцать три.

«Уже видел другую версию. Там вообще не этот мужик».

Виктория открыла ссылку, которую ей прислали.

В знакомом дворе стояла та же женщина. Так же падала сумка. Так же блестел мокрый асфальт.

Только рядом с ней находился совершенно другой человек.

На часах было без четырёх минут час.

Между настоящим убийством и первой подделкой прошло меньше двух часов.

◆ ◆ ◆

На второй записи мужчина был старше лет на двадцать.

Всё остальное совпадало. Женщина в светлом пальто. Служебная дверь. Светильник с треснутым плафоном. Даже маленький круглый футляр, выкатавшийся из сумки, остановился в том же месте.

Изменилось только лицо человека, который убивал.

Виктория запустила ролик ещё раз. Потом открыла свой файл и поставила телефон рядом с ноутбуком. Она привыкла сравнивать версии, замечать микроскопические расхождения в рекламе: другая складка на ткани, сдвинутая тень, лишний отблеск в стекле. Здесь всё было грубее и одновременно страшнее. На чужой записи свет на коже мужчины двигался с едва заметным запозданием. Возле левого уха иногда появлялась узкая тёмная полоска, исчезавшая при повороте головы.

Ей стало легче.

Значит, подделку можно распознать.

Через минуту в комментариях кто-то написал: «У оригинала тоже артефакты, присмотритесь к окну. Девушка наложила мужика на фон».

Виктория посмотрела на собственное видео. На стекле действительно дрожал свет. Дождевые капли, отражение потолочной лампы, движение её руки. Всё совершенно естественное.

И всё могло быть названо следами обработки.

Она закрыла комментарии и позвонила Ире.

— Я вызываю машину, — вместо приветствия сказала подруга. — Где ты сейчас?

— Еду домой. На такси. Слушай, мне прислали видео…

— Я видела. И второе тоже. И третье.

— Какое третье?

Ира молчала полсекунды.

— Вика, не открывай ничего за рулём. Хотя ты не за рулём. Просто приедешь — посмотрим вместе.

— Пришли.

— Нет.

— Ира.

— Там ты.

Виктория отвернулась к окну такси. Ночной город расплывался за мокрым стеклом. Водитель говорил по громкой связи с женой, обсуждал детские ботинки. Обычная жизнь продолжалась с оскорбительной безмятежностью.

— Что значит «я»?

— На той же записи. Вместо мужчины. Твоё лицо.

Виктория несколько секунд смотрела на своё отражение.

Таксист поймал её взгляд в зеркале заднего вида и убавил разговор.

— Сейчас пришли, — повторила она.

Третье видео было длиной сорок две секунды. Его выложили в канал с названием «Без ретуши», где обычно разоблачали рекламу косметики и показывали неудачные фотографии известных людей. На этот раз автор написал: «Свидетельница или исполнительница? У нас другая версия событий».

Виктория увидела себя внизу, возле кирпичной стены.

Своё лицо, свою прическу, знакомую линию подбородка. Но тело принадлежало мужчине; создатель ролика не попытался изменить даже ширину плеч. Получилось нелепо, почти карикатурно.

И всё равно Виктории стало плохо.

Потому что смысл видео был не в убедительности. Достаточно было дать людям новую версию. Смешную, нелепую, неприятную — любую. Потом ещё одну. Потом десяток. И через некоторое время зрители перестанут спорить о том, кого убили и кто стоял рядом. Они будут спорить о том, зачем Виктория всё это придумала.

Она написала под роликом: «Это монтаж. У меня сохранился оригинал. Я уже передала его полиции».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«А кто ты такая, чтобы мы верили твоему оригиналу?»

Дома Виктория проверила входную дверь дважды, потом натянула шторы в гостиной. Квартира была маленькая: прихожая, спальня, кухня, куда никак не помещались два человека, если один открывал холодильник. Обычно это её устраивало. Сегодня стены казались слишком тонкими.

Ира пришла в половине второго, с мокрыми волосами и пакетом еды из круглосуточного магазина.

— Ты поела? — спросила она.

— Нет.

— Тогда будешь есть.

Ира никогда не умела утешать словами. За двенадцать лет дружбы Виктория привыкла к её способу заботы: принести суп, закрутить капающий кран, пойти вместе куда угодно, но ни разу не сказать «всё будет хорошо», пока для этого нет оснований.

Они сидели на кухне. Виктория пыталась рассказать про окно, женщину, лицо мужчины. Ира не перебивала, только иногда спрашивала о мелочах.

— Ты уверена, что он смотрел именно на тебя?

— Он поднял телефон.

— Может, снимал здание.

— Он смотрел в моё окно.

— Хорошо, — сказала Ира. — Я не спорю. Просто пытаюсь понять.

Виктория опустила ложку.

— Если бы ты там была, ты бы не спрашивала.

Ира выдержала её взгляд.

— Да. Поэтому я сейчас здесь.

Это прозвучало резче, чем любая попытка успокоить.

Виктория потянулась через стол и накрыла её руку своей.

В два часа двадцать минут позвонил следователь Сергей Назаров, с которым она говорила в холле. Он ещё раз назвал фамилию и подразделение, спросил, может ли она сейчас разговаривать. Голос был усталый, без ночной резкости.

— Виктория, вы опубликовали запись?

— Да. Но уже после того, как кто-то выложил видео с камеры охраны.

— Я спрашиваю не для того, чтобы вас ругать. Уточните, пожалуйста, куда вы отправляли исходный файл до публикации.

— Подруге. И сохранила себе в облако.

— Больше никому?

— Вам. Через сотрудника, который приехал.

— Оригинал на телефоне не удаляйте. Завтра нужно будет изъять копию процессуально. И телефон понадобится осмотреть с вашего согласия.

— А эти подделки?

— Мы про них знаем.

— Там уже моё лицо. Меня называют убийцей.

— Знаю.

— И что мне делать?

— Не сообщайте незнакомым, где вы находитесь. Прямые угрозы сохраняйте и сразу передавайте нам. Если увидите того мужчину, не приближайтесь. Позвоните мне или дежурному.

Виктория записала номер дежурного на обороте чека. Рука всё ещё дрожала; в последней цифре пришлось обвести слабую черту.

— Вы знаете, кто погиб?

Пауза оказалась слишком долгой.

— Личность устанавливаем.

— То есть вы даже не знаете, кто она, а интернет уже уверен, что всё постановка?

— Интернет пока не участвует в расследовании. Постарайтесь поспать, Виктория.

Он отключился.

Ира сказала:

— Слушай. Я останусь у тебя.

— Не надо.

— Я не спрашивала.

Около четырёх утра Виктория заметила одну особенность поддельных роликов.

У всех была одинаковая продолжительность — сорок две секунды. В её публикации было сорок семь, а оригинальный файл длился пятьдесят девять. Фальшивки начинались на одной и той же фразе шума за кадром, которого зрители, скорее всего, вообще не услышали бы. Заканчивались в момент, когда убийца поднимал голову, — до того, как он направил телефон на окно.

Тот, кто готовил версии, не просто нашёл её запись. Он очень точно выбрал участок, который хотел показать.

Виктория открыла страницу, где появилось самое раннее видео, и пролистала ленту вниз. До сегодняшней ночи там публиковали безобидные разоблачения: нейросеть дорисовала актрисе пальцы, рекламный ролик использовал чужую музыку, известный блогер изменил фигуру на фотографии.

Под первым фальшивым видео стояло время: 00:41.

Её собственная публикация появилась в 00:53.

Она сверила ещё раз. Потом проверила часовой пояс приложения.

Всё совпадало.

Первый ролик с заменённым лицом появился в интернете за двенадцать минут до того, как она выложила оригинал.

— Ир, — позвала Виктория.

Подруга не спала. Сидела на полу у дивана, прислонившись к нему спиной.

— Ты первая получила моё видео. В 23:39. Ты ведь никому не пересылала?

— Никому. А что?

— Подделка была опубликована до моего поста.

Ира встала. Посмотрела на экран, потом на Викторию.

— У полиции копия была раньше.

— И у меня. И у тебя.

— Не начинай, — тихо сказала Ира.

— Я ничего не начинаю. Я пытаюсь понять, откуда оно взялось.

Обе замолчали.

Виктория знала, что файл можно было получить не только из её телефона. Камера охраны снимала тот же двор под другим углом. Кто-то уже фотографировал монитор. Но поддельное лицо было вставлено именно в её ракурс. Совпадали дрожание изображения, капли на стекле и момент, когда её палец случайно сдвинул масштаб.

От этой точности не становилось понятнее. Становилось только хуже.

— Может, время поста неправильное, — предложила Ира.

— Может.

Виктория снова открыла чужую страницу.

В этот момент на ней появилось новое видео.

Она увидела собственную спальню.

Снято было как будто с телефона, установленного у дверного проёма. Та же белая стена, та же лампа возле кровати, даже тёмный плед с перекрученным краем.

На кровати сидела Виктория. Лицо чуть бледнее настоящего, волосы длиннее, но это несомненно была она.

На видео женщина смотрела в камеру и спокойно говорила:

— Я придумала убийство. Никто никого не убивал. Я хотела проверить, как люди реагируют на страшные ролики.

Ира схватила телефон, всмотрелась в экран и сразу повернула голову к двери спальни.

— Вика, — сказала она, — откуда у них твоя комната?

Виктория знала ответ только наполовину.

Полгода назад она выкладывала в социальную сеть короткую смешную запись: демонстрировала, как её робот-пылесос застрял под кроватью. В кадр попала вся комната. Она помнила ролик, потому что Ира тогда написала: «Наконец-то техника тоже поняла, что отсюда не выбраться».

Кто-то использовал это видео как основу для нового.

Но её голос звучал безошибочно. Точно так, как она говорила в собственных рабочих роликах: немного глухо, с едва заметной хрипотцой после долгого дня.

Подпись гласила: «Автор призналась. Удалит через пять минут».

За сорок секунд ролик набрал тысячу просмотров.

За минуту — три тысячи.

Ира положила телефон экраном вниз.

— Всё, — сказала она. — Прекращай на это смотреть.

— Если я не буду смотреть, оно никуда не исчезнет.

— Но ты хотя бы сможешь подумать.

Виктория подошла к окну. Во дворе было пусто. Под фонарём стоял чужой автомобиль, за которым медленно проползала уборочная машина.

На стекле отразилось её собственное лицо.
Она вспомнила, как мужчина в служебном проезде поднял телефон и снял её окно.
Тогда она решила, что он хотел запомнить, где находится свидетельница.
Теперь возникла другая мысль.
Возможно, он снимал вовсе не для памяти.
Возможно, ему нужен был ещё один кадр.

Глава 2. Снимайте дальше

К девяти утра Виктория успела увидеть себя убийцей, лгуньей, актрисой и жертвой собственного рекламного эксперимента.

В четырёх разных новостных сообществах её называли четырьмя разными именами. В одном утверждали, что она зарабатывает на постановочных скандалах. В другом нашли старый ролик, в котором Виктория рекламировала сервис видеомонтажа, и объявили это доказательством мошенничества. Третий опубликовал фотографию её подъезда. Четвёртый предложил всем желающим прийти к зданию типографии и проверить, существует ли вообще место преступления.

Сама Виктория спала сорок минут. Она знала точное время, потому что проснулась от звонка человека, которого не видела четыре года.

— Вика, — сказал бывший однокурсник, — это ты правда там снимала? Или у вас какой-то запуск продукта?

Она отключила вызов.

Ира в это время стояла у плиты и разогревала вчерашний суп.

— У тебя сорок семь пропущенных, — сообщила она. — Я посчитала, пока ты спала. Номера разные, но несколько одинаково начинаются. Может, рекламные звонки.

— Теперь всё равно.

— Нет, не всё равно. Ты сегодня на работу не поедешь.

— Поеду.

— Зачем?

— Там мой компьютер. И исходники проектов. И человек, который отвечает за облачные папки.

Ира повернулась.

— Какие папки?

— Рабочие. Мы с телефона тоже можем загружать съёмки в общий архив. Иногда приложение делает это само, если включена синхронизация. Я хочу понять, не ушёл ли мой файл куда-нибудь ещё.

Ира поставила кастрюлю обратно на конфорку.

— Ты хочешь сказать, что кто-то из твоих коллег сделал эти видео?

— Я хочу сказать, что не знаю, кто мог получить запись. И не хочу продолжать гадать.

Ира помолчала.

— Ладно. Поедем вместе.

Перед выходом Виктория получила сообщение от Назарова. Он назначил встречу в отделе, попросил принести телефон и ничего не удалять. Через час она сидела напротив него, положив аппарат на стол экраном вверх.

Вблизи Назаров оказался моложе, чем ей показалось ночью. Седина на висках была ранней, лицо — усталым, но подвижным. Он говорил коротко и почти не смотрел на экран, когда ей показывал записи. Сначала внимательно слушал, потом просил вернуться к началу.

— Значит, женщина стояла к вам спиной?

— Сначала да. Потом он развернул её.

— Что она сказала?

— Не слышала. Окна были закрыты. Там вообще почти не было звука, только вентиляция.

— Телефон мужчины вы видели отчётливо?

— Да. Он направил его на меня.

Назаров кивнул, не делая из этого вывода.

— Вы ещё что-нибудь заметили? То, что не попало в кадр.

Виктория хотела ответить «нет». Потом вспомнила, как мужчина опустил тело, осторожно, почти бережно.

— Он не выглядел испуганным, — сказала она. — Не торопился. Даже когда увидел меня.

— Это уже впечатление. А из действий?

— Он проверил её руку. Я не знаю зачем. Потом посмотрел вверх.

— Хорошо.

— Вы установили её личность?

— Да. Елизавета Миронова. Тридцать восемь лет.

Виктория повторила имя мысленно. До этой минуты женщина была для неё фигурой в светлом пальто, телом на асфальте, центром чужих споров. Теперь у неё появились имя и возраст. Елизавета Миронова была всего на три года старше Виктории.

— А у неё семья?

— Пока не можем обсуждать.

Назаров убрал лист с её объяснениями в папку. Виктория представила человека, который сейчас узнаёт Елизавету на записи, и впервые захотела, чтобы собственного видео вообще не существовало.

— Вы говорили, что камеры во дворе есть, — сказала она.

— Есть. Часть записей уже получена. И они не противоречат вашему видео.

— Значит, вы можете сказать людям, что оно настоящее.

— Мы можем устанавливать обстоятельства преступления. А люди могут продолжить спорить даже после этого.

— Но на меня делают подделки.

— Подделки тоже зафиксируем. У вас появились прямые угрозы?

Она показала сообщения. Пока большая часть состояла из издёвок и оскорблений, иногда очень изобретательных. Настоящая угроза пряталась среди них, как иголка в коробке с такими же иголками.

Назаров увеличил фотографию подъезда, внимательно посмотрел на дату публикации.

— Смените обычный маршрут. Не возвращайтесь одна. Если увидите наблюдение за домом, звоните сразу. Не пытайтесь ловить человека сами.

— Вы не можете поставить кого-нибудь у подъезда?

— Не могу обещать круглосуточную охрану. Но информацию о риске мы передадим. И сообщите, если будете жить не дома.

Она поняла, что именно этого ответа он и не хотел ей давать.

У кабинета Виктория остановилась.

— А если лицо на записи есть, почему вы его ещё не нашли?

— Потому что лицо в ролике и установленная личность — не одно и то же, — сказал Назаров. — Мы проверяем людей, а не картинки.

Виктория задержалась у двери кабинета, чтобы застегнуть куртку. Пальцы не слушались. Нужно было рассказать Ире, что оригинал принят и женщина в светлом пальто больше не безымянная.

На улице Ира ждала у машины. Ей досталось сполна: за полтора часа кто-то нашёл старую фотографию, где они с Викторией сидели на берегу реки, и написал под ней: «Две аферистки».

— У меня тридцать новых подписчиков, — сказала Ира, когда Виктория села. — Никогда не была так популярна. Жалко, все хотят узнать, когда мы сознаемся.

— Прости.

— Не вздумай. Это я выложила фото, когда нам было по двадцать четыре. Сама виновата, что тогда считала интернет безопасным местом.

Студия располагалась на том же третьем этаже. Днём двор выглядел совершенно обыкновенно. Служебный проезд перекрывала лента, возле стены стояли двое сотрудников, один разговаривал по телефону. От вчерашнего дождя осталось только тёмное пятно у бордюра.

Виктория остановилась перед окнами и внезапно почувствовала, что ноги отказываются идти дальше.

— Пойдём, — предложила Ира.

— Я там стояла. За тем стеклом. У меня было почти сорок секунд, чтобы что-то сделать.

— Ты вызвала помощь.

— После того, как она умерла.

Ира не стала говорить, что Виктория ни в чём не виновата. Вместо этого она посмотрела на высоту окон и на пустой служебный проезд.

— Если бы ты выбежала туда, — сказала она, — у него было бы два человека вместо одного.

Виктория не ответила.

Дверь студии открыл Алексей Семёнов, её руководитель. Он носил дорогие кроссовки и разговаривал так, словно каждое предложение произносил на совещании.

— Вика, мы все в шоке. Правда. Но сейчас ситуация очень сложная.

— Для кого?

Он на мгновение потерял уверенность.

— Для компании тоже. К нам уже звонили клиенты. Спрашивали, почему наш сотрудник связан с таким видео.

— Я засняла убийство, Алексей.

— Именно это я и пытаюсь им объяснить. Давай без конфликта. Нам нужно на пару дней убрать твоё имя из публичных материалов.

— Убирай. Только сначала покажи, где хранятся автоматические загрузки с телефонов.

Алексей поглядел на Иру, потом на Викторию.

— Это зачем?

— Есть подозрение, что моё видео могли получить через рабочий сервис. Я хочу проверить.

— Ты намекаешь на сотрудников?

— Я задаю вопрос про настройки.

Зато с настройками разобрался Денис, технический редактор студии. Высокий, в растянутом свитере, он обычно не замечал людей, пока те не задавали ему вопрос, на который можно было ответить точно.

— Синхронизацию твоего телефона отключили в прошлом месяце, — сказал он, просмотрев список подключённых устройств. — Помнишь, у тебя рабочий диск был переполнен?

— Помню.

— Так вот, с тех пор автоматом ничего не уходило. Если ты сама не загружала файл, в нашем архиве его нет.

— А кто ещё мог получить мою запись?

Денис посмотрел на неё с усталой серьёзностью.

— Ты вчера пересылала её через мессенджер?

— Да. Подруге.

— Полиции?

— Да.

— В облако?

— Да.

— Тогда источников несколько. И это только те, о которых ты знаешь. Телефон мог автоматически сохранять копию в личный аккаунт, превью могло оставаться в чате. Но я бы не строил сейчас заговор вокруг каждого сервиса.

Она села рядом с ним.

— Ты видел подделки?

— Да.

— И что думаешь?

— Первые три сделаны на скорую руку. Потом качество резко выросло.

— Значит, разные люди?

— Не обязательно. Может, сначала проверяли реакцию. А потом добавили более трудоёмкие ролики.

— Ты можешь доказать, что мой настоящий?

Денис повернул к ней монитор.

— Для следствия важен исходный файл, устройство, независимые записи, люди, которые были на месте. Для зрителей всё сложнее. Я могу показать артефакты на подделках, а другой специалист найдёт шумы на твоём видео и назовёт их артефактами. Оттого, что у кого-то есть программа с красивой шкалой «вероятность ИИ», истина не появляется.

— Отлично.

— Это не значит, что всё бесполезно. Просто ты пытаешься убедить комментарии. А тебе нужно помочь найти человека.

Виктория посмотрела на экран. Денис выставил рядом два кадра. На подделке мужчина наклонял голову, и его новое лицо слегка запаздывало за движением шеи.

— Если он профессионал, зачем оставил такую ошибку?

— А кто сказал, что ему нужна идеальная подделка? — спросил Денис. — Посмотри, сколько людей спорит. Чем хуже качество, тем больше каждый убеждён, что именно он нашёл правду.

Виктория замерла.

Она приехала в студию, надеясь обнаружить технический след. Вместо этого услышала то, чего ей самой не хватало слов сформулировать: убийца мог не убеждать людей в одной конкретной лжи. Ему было достаточно уничтожить их уверенность в любой правде.

— Денис, — сказала она, — ты можешь показать, когда именно впервые появился ролик с заменённым лицом? Не время публикации в канале, а откуда он туда попал?

— Могу попробовать найти более ранние копии. Но это не за пять минут.

— Я не прошу за пять.

Денис подвинул к ней монитор и создал отдельную папку для сравнений. Назвал её просто: «Первая ночь». Виктории стало легче оттого, что у работы появился хотя бы такой край.

Виктория взяла со стола сумку. Алексей стоял у двери, уже готовый повторить что-то о клиентах, но она не дала ему начать.

— Я завтра не выйду. И послезавтра, скорее всего, тоже. Если потребуется официальный отпуск, оформим.

— Вика, я хотел…

— Ты хотел защитить студию. Я поняла.

В лифте Ира спросила:

— Куда теперь?

— К тебе. Но сначала заедем за вещами.

— Наконец-то разумная мысль.

Виктория нажала кнопку первого этажа.

Телефон завибрировал.

От неизвестного номера пришла фотография, сделанная несколько минут назад. На ней Виктория и Ира стояли у входа в студию. Ира держала раскрытый зонт, Виктория смотрела вверх, на окна третьего этажа.

Снимок был чётким. Без признаков обработки.

Под фотографией стояло одно предложение:

«Вот видишь. Настоящее снять гораздо проще».

Виктория не успела ничего сказать: лифт остановился, двери разошлись, и в холл вошёл высокий мужчина с мокрым бумажным стаканом в руке.

Он вежливо придержал для них дверь.

Виктория прошла мимо, не подняв глаз.

А мужчина проводил её взглядом до самого выхода.

◆ ◆ ◆

До квартиры Виктория и Ира доехали за двадцать семь минут.

Почти всю дорогу Виктория смотрела в заднее стекло. Сначала ей казалось, что за ними едет белый кроссовер. Потом — тёмная машина с разбитой фарой. На светофоре позади остановился городской автобус, и она с облегчением поняла, что вот уже три квартала подозревает всех подряд.

— Ты смотришь так, будто нас преследует весь город, — сказала Ира.

— Мне прислали фотографию у студии.

— Я знаю.

— Человек стоял рядом. В нескольких метрах.

— Я тоже там была, Вика. Я понимаю.

— Не понимаешь. Я даже не заметила, кто мог снимать.

Ира свернула к дому и припарковалась на гостевом месте.

— Тогда у нас две задачи. Забрать твои вещи. И уехать так, чтобы в следующий раз ты заметила.

Виктория посмотрела на подругу.

— Ты умеешь превращать страх в список покупок.

— Пока помогает.

В подъезде пахло свежей краской и мокрыми газетами. Сосед с седьмого этажа, пенсионер с собачкой, улыбнулся Ире, а Викторию неожиданно спросил:

— Это вы, значит, то видео сняли?

Она кивнула.

— По телевизору ничего толком не объясняют, — пожаловался он. — Одни говорят, убийство. Другие — нейросеть. А кто-то вчера уверял, что вы вообще актриса.

— Убийство было настоящим, — сказала Виктория.

Сосед посмотрел на неё с сочувствием, которое внезапно оказалось хуже недоверия.

— Конечно, конечно. Сейчас ведь ничего не разберёшь.

Он вошёл в лифт, прижимая собаку к груди.

Ира подождала, пока двери закроются.

— Вот поэтому я отключила комментарии, — сказала она.

Виктория ничего не ответила. «Сейчас ничего не разберёшь». Удобная фраза. Можно произнести её и больше ни за что не отвечать. Даже за собственное мнение.

Квартиру они обошли вместе. Не потому, что Виктория всерьёз ожидала встретить убийцу в шкафу, а потому, что одиночество в этой квартире стало физически невыносимым. Ира проверила балкон, заглянула в ванную и объявила:

— Пусто. Теперь десять минут на сборы.

— Мне нужно больше.

— Пятнадцать.

Виктория вынула из шкафа спортивную сумку. Бельё, документы, зарядка для ноутбука, лекарства, запасные очки. Руки действовали сами, будто она уезжала на короткую командировку. У зеркала в спальне остановилась и долго смотрела на собственное лицо.

Вчера оно было только её.

Сегодня этим лицом в интернете убивали людей и признавались в вымышленных преступлениях.

На туалетном столике стояла фотография, сделанная прошлым летом. Виктория и Ира в мокрых после дождя платьях смеются под навесом кафе. Она потянулась к рамке, потом оставила на месте. Не хотелось превращать обычный отъезд в бегство.

В гостиной Ира разговаривала по телефону.

— Нет, мам, всё нормально. Просто Вика поживёт у меня несколько дней. Да, я видела ролики. Нет, на видео не она. Нет, не надо никому пересылать. Мам, пожалуйста.

Услышав шаги, Ира отключилась и виновато улыбнулась.

— Знаешь, что самое неприятное? — спросила она. — Моя мать знает тебя лет пятнадцать. И всё равно сначала спросила, уверена ли я, что ты никого не убивала.

Виктория усмехнулась. Смех получился коротким.

— А ты уверена?

Ира посмотрела прямо на неё.

— Я уверена, что ты была на работе. Я видела твоё лицо, когда ты позвонила. И я сейчас с тобой. Мне этого достаточно.

Телефон Иры завибрировал.

Она прочитала сообщение и внезапно побледнела.

— Что?

Ира молча протянула экран.

Это был ролик с камеры, похожей на установленную в обычном подъезде. Узкий коридор. Светлая плитка. Женщина в тёмной куртке, очень похожая на Викторию, стоит возле лифта. Перед ней — другая женщина.

Ира.

Виктория на видео что-то кричала, затем резко толкнула подругу. Та ударилась плечом о стену и упала.

Ролик заканчивался прежде, чем обе женщины успевали подняться.

Подпись: «Дошло и до подельницы. Свидетельница напала на лучшую подругу».

— Я здесь, — сказала Ира.

— Вижу.

— Мы сегодня даже не поднимались вместе к лифту на этом этаже.

— Я знаю.

— Тогда почему у меня такое чувство, будто это уже случилось?

Виктория пересмотрела запись. Подделка была сделана значительно аккуратнее предыдущих. Фигуры двигались естественно, мимика почти не выдавала обработки. Но место она узнала безошибочно.

Это был их подъезд.

Не просто похожая площадка. Та же сколотая плитка у пожарного шкафа, то же пятно краски на потолке, которое ремонтники оставили после весенней протечки.

— Они снимали здесь, — сказала Виктория.

— Или взяли запись с нашей камеры.

— На нашем этаже камеры нет. Домовые стоят только у входа и перед лифтом внизу.

— Откуда ты знаешь?

— Мы сами голосовали за установку. Их так и не добавили.

Ира посмотрела на дверь квартиры.

Виктория не могла утверждать, что ролик снимали именно сегодня. Возможно, основу взяли из старого объявления о продаже квартиры или чужого домашнего видео. Но теперь злоумышленник явно хотел, чтобы они поверили в его присутствие рядом.

Виктория позвонила Назарову.

Он ответил после третьего сигнала.

— Мне прислали новую подделку, — сказала она. — Там моя подруга. И наш подъезд.

— Где вы сейчас?

— Дома. Собираемся уехать.

— Пришлите запись. И фотографию, о которой говорили раньше. Вы их сохранили?

— Да.

— Постарайтесь не пользоваться лифтом в одиночку. Если в подъезде увидите кого-нибудь подозрительного, возвращайтесь в квартиру и звоните. Я направлю сотрудников проверить адрес.

— Когда?

— Сейчас передам.

Он не сказал «немедленно». И это тоже было честно.

Виктория и Ира вышли из квартиры через несколько минут. Сумки тянули плечи. Они остановились перед лифтом, и Виктория невольно посмотрела на сколотую плитку. В фальшивом ролике она толкала Иру примерно здесь.

— По лестнице, — сказала Виктория.

— С шестого этажа с сумками?

— Да.

Ира не стала возражать.

Они спустились на один пролёт. На пятом этаже стоял мужчина в светло-сером пальто и разговаривал по телефону. При их появлении он отступил к стене, освобождая проход.

— Да, хорошо, понял, — сказал он в трубку. — Вечером созвонимся.

Виктория мельком посмотрела на него.

Лицо было обращено в сторону окна. Она заметила аккуратную стрижку и сухую, почти неподвижную манеру держаться. Но ничего в его облике не выглядело угрожающим.

Они прошли мимо.

На следующем пролёте Ира тихо сказала:

— Мне не нравится этот человек.

— Почему?

— Он держал телефон у щеки, но, когда мы прошли, я увидела его отражение в стекле. Он смотрел нам вслед и даже не шевелил губами.

Виктория замедлила шаг.

Сверху раздался едва слышный стук — будто кто-то коснулся перил металлическим кольцом.

Потом голос:

— Виктория.

Они остановились одновременно.

— Вы ведь хотели, чтобы все посмотрели?

Мужчина стоял на площадке над ними. Теперь его лицо было хорошо видно. Тёмные волосы, зачесанные назад. Чисто выбритые щёки. Обыкновенная внешность, от которой невозможно было бы отвести взгляд, если бы Виктория увидела её раньше в другом месте.

Она узнала его не по волосам и не по одежде.

По тому, как он смотрел: спокойно, внимательно, будто оценивал, где должен стоять человек перед камерой.

Мужчина из служебного проезда.

Виктория медленно поставила сумку на ступеньку.

— Ира, звони в полицию.

Он слегка улыбнулся.

— Зачем? Мы же просто разговариваем.

Ира вытащила телефон.

В правой руке он держал телефон, повернув экран к себе. Большой палец лежал у нижнего края. Мужчина спустился на одну ступеньку.

— Не подходите, — сказала Виктория.

Он остановился.

Ни один из них несколько секунд не двигался. Виктория чувствовала тяжесть сумки у своих ног, холод железных перил под ладонью, запах краски и пыли. Страшнее всего было то, что мужчина выглядел совершенно обычным. Не кричал. Не угрожал. Даже не торопился.

— Вам следовало оставить видео у себя, — сказал он.

— Я передала его полиции.

— Знаю.

Он произнёс это безразлично, словно речь шла о доставке посылки.

Ира начала диктовать адрес оператору.

Мужчина посмотрел на неё, потом снова на Викторию.

— Скажите, вам кто-нибудь верит?

Виктория почувствовала, как к горлу подкатывает злость. Она почти пересилила страх.

— Мне верят люди, которым не нужно прятаться за чужими лицами.

Он впервые перестал улыбаться.

Очень ненадолго. Но Виктория успела заметить.

— А вы уверены, что знаете моё лицо? — спросил он.

Он резко шагнул вниз.

Виктория успела оттолкнуть Иру за спину. Мужчина схватил её за предплечье, больно сжав руку. Она ударилась спиной о стену, сумка соскользнула по ступеням, из бокового кармана вылетел футляр с очками.

Ира закричала. Не от страха — громко, отчётливо, на весь подъезд:

— Помогите! Здесь нападают на человека!

На верхнем этаже хлопнула дверь.

Мужчина ослабил хватку на долю секунды. Виктория ухватила его за рукав, вывернулась и обеими ладонями оттолкнула от себя. Он отступил к стене, но снова шагнул к ней. Виктория сделала два встречных шага, удерживая его подальше от Иры. Со стороны пятого этажа уже раздались шаги.

— Что там происходит? — крикнул мужской голос.

Незнакомец отпустил Викторию.

Не потому, что испугался свидетелей, показалось ей. Скорее потому, что решил: на сегодня достаточно.

Он быстро поднялся на площадку, откуда пришёл. Дверь лестничного выхода хлопнула, потом наступила тишина.

Ира всё ещё держала телефон у уха.

— Шестой этаж. Лестница между пятым и шестым. Он ушёл наверх. Да, мы обе живы.

Виктория прислонилась к стене. Левую руку сводило от боли. На коже уже проступали красные полосы от пальцев.

Сверху спустился сосед в домашней футболке. Он посмотрел на них, на разбросанные вещи, затем на закрытую дверь.

— Кто это был?

Виктория подняла голову.

— Убийца, которого я сняла.

Сосед открыл рот, хотел что-то сказать и передумал.

Пять минут назад он, возможно, тоже видел её лицо в одном из роликов. Теперь перед ним стояла настоящая женщина, тяжело дышавшая после настоящего нападения. И он всё равно не знал, что думать.

На улице уже слышалась полицейская сирена.

Ира присела, собирая вещи. Подняла очки, паспорт, зарядку и наконец телефон Виктории, выскользнувший из кармана куртки.

— Он целый, — сказала она.

Виктория посмотрела на экран. Камера была закрыта, приложение не работало. Она даже не попыталась ничего снять.

Убийца стоял в двух метрах, говорил с ней, держал за руку. Всё произошло наяву. И у неё снова не осталось записи.

— Запомни его голос, — сказала она Ире. — Всё, что он сказал. Повторим Назарову слово в слово.

— Я запомню, — ответила Ира. — И сосед слышал. Это уже не только твоё видео.

Виктория кивнула.

Она помнила телефон в его правой руке. Но когда он схватил её, аппарат исчез из поля зрения; Виктория не могла сказать, продолжал ли он снимать и куда был направлен объектив. Через сорок минут, пока они ждали у отдела, появился ответ.

В городском канале выложили новое видео.

На нём Виктория бросалась на человека с камерой. В кадре появлялся его светлый рукав. Она хватала его за руку, толкала к стене, а потом делала ещё два шага вперёд. Мужчина с телефоном отступал. Его лица видно не было.

Ролик длился девять секунд.

Никаких странных лиц. Никакой искусственной мимики. Никаких следов генерации.

На этот раз всё было настоящим — и всё было ложью.

Из записи исчезли первые секунды, когда мужчина шагнул к ней и схватил за руку. Исчез крик Иры. Исчезло продолжение, в котором убийца ушёл, услышав шаги соседа.

Осталось лишь то, что было нужно зрителям для нового вывода.

«Та самая свидетельница опять нападает на людей», — сообщала подпись. Ниже стояло: «Посмотрите сами, без объяснений».

Ира долго смотрела на экран, потом выключила телефон.

— Значит, он не только подделывает видео, — сказала она.

Виктория рассматривала красные полосы на предплечье.

— Нет, — ответила она. — Он ещё и выбирает, какую правду нам разрешено видеть.

Она поднялась из машины и пошла к входу в отдел.

Ей больше не хотелось ничего объяснять интернету.

Ей хотелось найти человека.

Глава 3. Девять секунд

У Назарова на столе стояла чашка, из которой давно перестали пить. На поверхности кофе образовалась тонкая светлая плёнка. Виктория смотрела на неё, пока следователь набирал номер дежурной части и спрашивал, кто принял вызов с улицы Речной.

— Нет, это не повторное обращение, — сказал он. — Нападение на свидетеля по нашему убийству. Два очевидца, следы на руке. Да. И прошу сохранить запись вызова.

Он положил трубку и посмотрел на Викторию.

— Показывайте руку.

Она закатала рукав. Полосы от пальцев стали темнее. Назаров не прикоснулся к коже, только попросил разрешения сфотографировать. Следом записал, что именно говорил мужчина, где стоял, какой рукой схватил её за предплечье. Ира сидела рядом и уточняла отдельные слова. Несколько раз они спорили: Виктории казалось, что он сказал «вам следовало оставить запись», Ира помнила «видео». Назаров оставил в протоколе обе версии.

— Лучше две честные неточности, чем одна согласованная история, — сказал он.

За дверью кто-то рассмеялся, прошёл по коридору, хлопнул шкафчиком. Виктория вдруг ощутила злость на всех, кому позволено было смеяться.

— Он стоял в моём подъезде. Он знал, что мы уезжаем. Он мог нас убить.

— Да, — ответил Назаров.

Его согласие заставило её замолчать.

— Мы не будем делать вид, что это обычная перепалка на лестнице. Но задерживать человека, которого мы пока не установили, невозможно. Соседа опросят. Камеры у входа уже запрашиваем. Кто-то видел, как он входил. Должен был видеть.

— А если у него опять другое лицо?

— Видеозапись не паспорт. Будем искать человека по совокупности признаков и свидетельств.

Виктория достала телефон и открыла девятисекундный ролик.

— Вот это сейчас разошлось по каналам. Там действительно я. Но он вырезал начало.

Назаров посмотрел запись без звука. Затем ещё раз, уже со звуком. Движение Виктории, её ладони на чужом рукаве, шаг к стене. Снаружи кадра кто-то тяжело дышал.

— Он держал телефон всё время?

— Сначала прижимал к щеке. Потом опустил. На лестнице я видела его в правой руке.

— Хорошо. А куда смотрела камера во время столкновения, помните?

Виктория закрыла глаза. Лестница, серое пальто, сжатая рука, шаг вниз. Всё смешалось. Ей хотелось сочинить подробность, которая поможет его найти. Хотелось вспомнить необычное кольцо, часы, шрам. Ничего такого не было.

— Нет.

— Тогда так и запишем.

В кабинет заглянула женщина в тёмном пиджаке, поставила перед Назаровым тонкую папку и, взглянув на Викторию, неожиданно сказала:

— Не отвечайте людям, которые предлагают очистить ваше имя за деньги. Сегодня двое уже пытались получить доступ к вашим аккаунтам под этим предлогом.

— Кто вы?

— Майор Белова. Работаю с цифровыми материалами. И ещё: не публикуйте адрес подруги. Даже нам его лучше сообщить лично, без общих чатов.

Она ушла, оставив после себя запах мокрой шерсти. Виктория посмотрела на Назарова.

— Вы ей верите?

— В каком смысле?

— Что я не убийца, не мошенница, не актриса.

Он чуть подался вперёд.

— Виктория, Елизавета погибла. Есть результаты осмотра, медицинские сведения и независимые записи. Мы расследуем её смерть. А на лестнице сегодня напали на вас. Так и запишем.

Виктория опустила рукав. Следы пальцев теперь казались ей важнее чужих заголовков, хотя от этого рука не перестала болеть.

— У Елизаветы были враги?

— Мы выясняем.

— Но вы знаете, кем она работала?

— Да.

На этом разговор оборвался. Назаров попросил показать их переписку с Ирой за прошлую ночь, особенно момент первой отправки файла. Виктория открыла чат и пролистала сообщения. Остановилась на строке с видео: 23:39. Прикоснулась к значку подробностей. Доставлено. Просмотрено.

— Не удаляйте, — сказал Назаров. — И никому больше не отправляйте оригинал, кроме официально оформленных передач.

— Я уже отправила половине мира.

— Тогда не увеличивайте вторую половину.

Она хотела обидеться на его сухость, но обнаружила, что улыбается.

В коридоре Ира пошла за водой из автомата. Виктория осталась на деревянной скамейке. На противоположной стене висел плакат о телефонном мошенничестве: улыбающаяся женщина держала трубку, рядом крупными буквами предупреждали не называть код из сообщения. Вчера Виктория сочла бы такой плакат наивным. Сегодня ей хотелось повесить рядом другой: «Не верьте даже тому, что видели».

Зазвонил телефон.

Денис.

— Я нашёл кое-что, — сказал он вместо приветствия. — Только сначала скажи: в самом начале ты кому отправляла файл?

— В облако. Ире. Потом передала сотруднику ссылку для загрузки. Тебе отправила уже из холла, когда он записывал мои данные.

— Помнишь, ты просила сравнить дрожание по краю кадра? Я посмотрел.

— Там, где я меняла масштаб?

— Да. На исходнике край чистый. В присланном мне предпросмотре возникает серая полоска. В первой подделке такая же — в тот же момент. Самого файла, который получил сотрудник полиции, у меня нет, я его не сравнивал.

— Пришли два стоп-кадра. Только с запасом по краям, не обрезай.

Пока он отправлял, Виктория открыла исходник. Полоска держалась три кадра. В подделке вместе с ней на стекле дрогнул светлый штрих — отражение ручки соседнего окна. Лицо заменили, мелкое движение на периферии осталось.

— Значит, он работал с копией, — сказала она. — Но полоска могла появиться в разных программах. Нам нужен тот самый размер кадра.

— Проверю, какие версии сохранились. И запишу настройки. Только не проси сказать, из чьего телефона её взяли: по трём кадрам я этого не узнаю.

Назаров вышел в коридор. Виктория показала ему два изображения и попросила сохранить присланные Денисом файлы вместе с описанием сравнения.

— Денис, на подделке мне меняют лицо. А края кадра им не нужны. Посмотри ещё раз всё, что они не стали исправлять.

— Уже записал. И ещё… Твой начальник сказал, чтобы я не тратил рабочее время. Я ему ответил, что сегодня мой выходной.

— Сегодня пятница.

— Для меня — выходной, — сказал Денис и отключился.

Ира вернулась с двумя стаканчиками воды. Виктория пересказала ей разговор. Подруга выслушала, потом спросила:

— Ты теперь подозреваешь меня?

— Нет.

— Даже после того, как вчера спросила, пересылала ли я видео?

Виктория задумалась.

— Я подозреваю путь, по которому прошёл файл. Это не то же самое, что подозревать тебя.

— Очень удобно звучит для монтажёра.

— Ира…

— Я не обиделась. Просто когда ты всю ночь смотришь ролики, где твоя лучшая подруга убивает людей, начинаешь бояться, что однажды и она посмотрит на тебя и увидит врага.

Они сидели молча, пока из кабинета не вышел Назаров.

— Уезжайте, — сказал он. — Мы свяжемся. И не возвращайтесь сегодня к вам домой.

На улице потеплело. Виктория шла к машине, щурясь от света; Ира придерживала её под локоть. Только у дверцы она заметила, что всё это время сжимала телефон выключенным экраном к ладони.

У машины их ждала незнакомая женщина с короткими рыжими волосами и большим чёрным зонтом, хотя дождя не было. Увидев Викторию, она сделала шаг навстречу.

— Вы сняли Лизу? — спросила она.

Ира сразу встала между ними.

— Кто вы?

— Меня зовут Лидия Коршунова. Лиза — моя сестра.

Виктория почувствовала, как весь воздух вышел из груди.

Женщина посмотрела на её лицо, словно пыталась найти на нём что-то важное.

— Я не пришла вас обвинять. Я хочу знать, — сказала она, — почему мужчина на вашей записи всё-таки позволил себя снять.

Лидия Коршунова настояла, чтобы они разговаривали не в машине и не возле отдела. Через дорогу работала небольшая пекарня. Она выбрала стол в глубине, откуда были видны вход и окно, отодвинула к стене нераскрытый зонт и положила перед собой телефон экраном вниз.

— Сразу предупреждаю, — сказала она. — Я не журналист. Мне не нужен комментарий для сети. Я хочу понять, что случилось с сестрой.

Виктория хотела ответить, что тоже. Но это прозвучало бы жестоко. У неё была бессонная ночь, следы на руке и страх перед незнакомым мужчиной. У Лидии не стало сестры.

— Я видела всё из окна, — сказала Виктория. — Я не знаю, почему он не спрятал лицо.

Лидия отвела взгляд к двери. Пальцы, державшие край перчатки, замерли. Когда она заговорила снова, голос стал тише.

— Лиза говорила, что если с ней что-нибудь случится, люди сначала станут спорить, было ли это вообще.

Ира отставила стакан.

— Когда говорила?

— Во вторник. Три дня назад. Я решила, что у неё истерика после увольнения. Она не спала. Держала дома все шторы закрытыми. И просила меня не верить ничему, что увижу с её лицом.

— Чем она занималась? — спросила Виктория.

— Работала с видео. Но не так, как вы. Она была продюсером в компании, которая делала виртуальных ведущих для магазинов, банков, сервисов. Раньше снимали настоящих актёров, потом стали делать цифровых. Называлась «Персона».

Виктория знала эту компанию. Несколько месяцев назад студия, где она работала, хотела купить у «Персоны» лицензии на говорящих аватаров, но цена оказалась слишком высокой. В рекламе обещали создать «постоянного представителя бренда, который никогда не болеет и не уходит в отпуск».

— Почему её уволили?

— По её словам, она сама ушла. По словам компании — закончился договор. Выбирайте, какая версия вам больше нравится.

Лидия достала из сумки тонкие перчатки и стала натягивать одну на левую руку. Виктория заметила, как дрожат её пальцы.

— Что ещё она говорила?

— Что человек, которого она боится, никогда не спорит о фактах. Он придумывает такие обстоятельства, при которых факты становятся никому не нужны.

Виктория подняла глаза.

— Она называла его имя?

— Нет. Я уговаривала обратиться в полицию. Она сказала, что уже пыталась и её отправили за доказательствами. Может, соврала. Я не знаю. У нас с Лизой были тяжёлые отношения последние годы. Она считала, что я всё упрощаю.

За окном мужчина у банкомата ронял перчатку, нагибался, снова ронял. Ира наблюдала за ним с такой напряжённостью, словно следила за готовящимся преступлением.

— Вы были у следователя? — спросила она у Лидии.

— Да. Я рассказала всё, что знала. Но на вашем видео есть один момент, который мне не дают посмотреть подробно. Я видела обрывки, и мне кажется…

Она замолчала.

— Что кажется?

— Когда Лиза упала, из сумки что-то выкатилось. Маленький круглый футляр. Это могла быть её помада в коробочке, но такие вещи она не носила. В последние дни она постоянно теряла какой-то белый футляр и снова находила. Мне показалось, что там лежит то, чего она боялась лишиться.

Виктория вспомнила круглый предмет у бордюра. Совпало даже место, где он остановился. Она сама описывала его Назарову только вскользь.

— На записи он виден. Но очень плохо.

— Не надо мне присылать, — быстро сказала Лидия. — Я больше не могу смотреть, как она умирает.

Виктория убрала телефон. За последние сутки она столько раз видела чужую смерть, что почти забыла: для кого-то это лицо не было элементом изображения.

— Что вы хотите от меня?

— Вспомнить, куда смотрел мужчина после того, как Лиза упала. Он искал что-то на земле? Он пытался взять сумку?

Виктория закрыла глаза. Нападавший опускал женщину, приседал, касался руки. Нет. Сумку он, кажется, не тронул.

— Он посмотрел на её руку. Потом наверх. На меня.

Лидия кивнула, как будто услышала подтверждение прежней мысли.

— Лиза не носила кольца. Неделю назад почему-то купила одно — дешёвое, большое, серебристое. Попросила сказать, идёт ли ей. Я сказала, что выглядит ужасно. Она рассмеялась.

— И что?

— А на следующий день кольца уже не было. Она сказала, что потеряла. Но мне кажется, боялась, что я начну спрашивать.

Ира повернулась к Виктории.

— Он проверял её руку.

— Я не знаю зачем, — ответила Виктория.

Она почувствовала, как любая деталь начинает превращаться в версию, а любая версия — в убеждение. У неё было слишком мало фактов, чтобы позволить себе такую роскошь.

— Пожалуйста, расскажите это Назарову, — сказала она Лидии. — И про футляр, и про кольцо.

— Уже рассказала. Я не прошу вас расследовать убийство моей сестры. Я хочу, чтобы вы знали: он не случайно делает подделки. Лиза их ждала.

Лидия поднялась. На мгновение ей пришлось опереться на спинку стула.

— И ещё одна просьба. Когда будете говорить о ней, называйте её по имени. Не «женщина в светлом пальто». Не «тело на асфальте». Елизавета.

Виктория кивнула.

У выхода Лидия остановилась, вернулась к столу и вдруг спросила:

— У вас есть кто-то, кто умеет отличать настоящее видео от поддельного?

— Я этим занимаюсь профессионально. И мой коллега тоже.

— Тогда спросите у него одну вещь. Можно ли сделать поддельный ролик, который одновременно видел бы себя настоящим?

Ира нахмурилась.

— Что значит «видел бы себя»?

Лидия покачала головой.

— Не знаю. Это Лизины слова. Она говорила так, будто сама не понимала, что происходит. Я думала, она просто устала.

Когда дверь за ней закрылась, Виктория не сразу заговорила.

— Что думаешь? — спросила Ира.

— Думаю, что мне нужно перестать проверять слухи и начать записывать то, что люди действительно сказали.

Она открыла заметки: Лидия Коршунова, футляр, кольцо, дата разговора. Два последних слова заключила в скобки. Это рассказ сестры; на записи Виктория видела только падение маленькой коробочки.

В этот момент ей позвонил Алексей Семёнов.

— Вика, у нас беда, — сказал он.

— У нас уже есть одна беда.

— Я знаю. Но к нам пришла проверка по поводу вашего рекламного проекта. Клиент утверждает, что ты нарушила условия договора. У них ролик, в котором ты якобы от их лица говоришь совершенно безумные вещи.

— Подделка?

— Я не знаю. Вика, клиент сейчас требует показать все материалы, к которым ты прикасалась на прошлой неделе.

— Пусть требует официально. И не отсылай ему ничего личного.

— Ты не понимаешь. Они говорят, если не докажем, что ролик ненастоящий, разорвут контракт.

Виктория посмотрела на стеклянную дверь пекарни, за которой Лидия стояла под чёрным зонтом в ясный день. Кто-то не только вымарывал Викторию из собственной жизни. Её руками начали наносить ущерб другим людям.

— Алексей, — сказала она, — ты вчера хотел убрать моё имя с сайта. Убирай. А я сейчас занята тем, чтобы остаться живой.

Она отключилась.

Ира смотрела на неё несколько секунд, потом тихо сказала:

— Наконец-то ты перестала оправдываться перед каждым, кто требует объяснений.

— Это временно.

— Пусть хотя бы сегодня.

Они поехали к Ире, но уже через полчаса Виктория попросила остановиться возле торгового центра.

— Мне нужны новые кроссовки, — сказала она.

— Сейчас?

— Вчера я поняла, что не смогу быстро бежать в сапогах. Не хочу проверять это второй раз.

Ира рассмеялась. Потом всё равно припарковалась.

В обувном магазине вокруг них играла лёгкая музыка. Продавец предложил Виктории модель для городского бега, принёс другой размер, спросил, удобно ли в пятке. Она примеряла обувь, а Ира сидела рядом на пуфике и листала новости.

— Вика, — сказала она наконец, — не оборачивайся резко.

На экране Ириного телефона было новое видео.

Камера смотрела на полупустую парковку торгового центра. Между колоннами шла женщина в тёмной куртке. Ира. Сзади к ней подбегала Виктория. На записи были слышны шаги, крик и короткий глухой удар. Ира падала. Виктория наклонялась над ней. На этом ролик обрывался.

— Где это снято? — спросила Виктория.

— Здесь, — ответила Ира. — На подземной парковке. Я узнаю знак на колонне.

— Мы здесь никогда не ходили пешком.

— Я знаю.

Под роликом стояла подпись: «Следующая серия уже снята».

Ира подняла голову. Через широкое стекло витрины им было видно вход в торговый центр. Там стояла женщина в ярком спортивном костюме и разговаривала с охранником. Ничего необычного.

Но Виктория смотрела не на неё.

В конце магазина, возле примерочной, мужчина в сером пальто держал телефон перед лицом, будто выбирал между двумя моделями обуви.

Он не смотрел в их сторону.

Именно поэтому она сразу его заметила.

Виктория не стала кричать.

Мужчина стоял метрах в двадцати, за рядом высоких стеллажей. В зеркальной стене за его спиной отражались куртки покупателей, белые коробки и продавец, несущий обувь на двух пальцах. Лицо незнакомца Виктория видела лишь в профиль. Но та же неподвижность плеч, та же осторожная манера держать телефон на уровне груди заставили её замереть.

— Ира, иди к кассе, — сказала она. — Скажи сотрудникам, что нам угрожают. Пусть вызовут охрану торгового центра и полицию.

— Ты останешься?

— Я иду с тобой. Только не смотри туда.

Ира взяла телефон, повернулась к продавцу. Виктория поднялась с пуфика и сделала вид, что рассматривает коробку. Ей хотелось убедиться, тот ли это человек. Хотелось подойти и посмотреть в лицо. Но после лестницы желание доказать себе собственную храбрость казалось опасной глупостью.

Они шли к кассе вместе. Мужчина с телефоном двинулся за ними, не ускоряя шаг. Виктория увидела его отражение в глянцевой стойке: серое пальто, чисто выбритая щека, темнеющие у висков волосы.

Продавец спросил, не нужны ли им носки.

— Нужна помощь, — ответила Ира. — Мужчина в глубине магазина преследует мою подругу. Это не шутка. Мы уже обращались в полицию.

Продавец мгновенно перестал улыбаться. Нажал кнопку вызова старшего, затем посмотрел за их спины.

— Где он?

Виктория обернулась.

Мужчины уже не было.

Она почувствовала не облегчение, а досаду. Так человек, проснувшись от кошмара, сердится, что не увидел, чем всё закончилось.

Через несколько минут пришёл сотрудник охраны, высокий парень с рацией, и проводил их в комнату рядом с информационной стойкой. Виктория рассказала о нападении в подъезде, показала фотографию мужчины из своей записи и новое видео с парковки. Парень перестал записывать на втором предложении, позвонил начальнику смены и предложил не спускаться к машине.

— Мы сохраним наши камеры, — сказал он. — Но доступа к просмотру у меня нет. Сотрудники полиции смогут запросить официально.

— Мне не нужно смотреть ваши камеры, — сказала Виктория. — Мне нужно выйти отсюда живой.

Он кивнул без улыбки.

Через двадцать минут по телефону позвонил Назаров. Оказалось, охрана уже связалась с дежурной частью. Следователь выслушал краткую версию и спросил:

— Вы уверены, что видели того же человека?

— На девяносто процентов.

— Оставьте десять процентов в покое. Скажите, что именно узнали.

Она перечислила стрижку, осанку, пальто. Назвала магазин и место, где он стоял.

— Мы проверим. И пока не уезжайте самостоятельно. Сотрудник подъедет к вам.

— А поддельное видео с парковки?

— Пришлите.

— Оно появилось минут за пять до того, как мы его увидели. Человек знал, куда мы приехали.

— Пришлите. Камеры парковки проверят. Пока оставайтесь с охраной, сотрудник уже едет.

Виктория положила трубку. Ира сидела рядом, прижимая локти к бокам.

— Ещё ночью мне казалось, что я смогу решать за нас обеих, — сказала Ира. — А теперь страшно даже спуститься за машиной.

— Мне тоже страшно.

— Ты как будто не показываешь.

— Я примеряла кроссовки и чуть не попросила охрану увести меня через склад. Это вполне заметный страх.

Ира улыбнулась одними губами.

За дверью охранной комнаты кто-то спорил из-за потерянного детского рюкзака. Виктория прислушивалась к каждому голосу. Ей хотелось записать их, сохранить на случай будущей подделки, сделать каждую секунду проверяемой. Она поймала себя на том, что думает не о том, как жить, а о том, как доказать, что жила именно так.

— Ира, — сказала она, — если я начну снимать нас постоянно, останови меня.

— А если тебе понадобится запись?

— Тогда мы вместе решим, что действительно стоит сохранять. Я не хочу стать человеком, который разговаривает с тобой только ради доказательства своих слов.

Постучали. Охранник заглянул внутрь.

— Девушки, тут человек спрашивает вашу подругу. Говорит, из полиции.

— Пусть назовёт имя и подразделение, — сразу сказала Виктория. — И мы проверим через Назарова.

Охранник ушёл. Вернулся с девушкой лет тридцати в кожаной куртке и с коротким хвостом. Она показала удостоверение, назвала фамилию — Климова — и предложила им позвонить дежурному самостоятельно. Всё проверили. Виктория ощутила странную радость от того, что хоть одна процедура сработала правильно.

— Поедем в отдел? — спросила Климова.

— Да. Только машина Иры внизу.

— Её заберут позже, с вашим присутствием. Пока поедете со мной.

Они вышли из комнаты через служебный коридор, миновали грузовой лифт и оказались у стоянки технического персонала. Там пахло выхлопом и мокрым картоном. У машины Климова сказала кому-то по рации, что выезжает.

И в тот же момент на Викторином телефоне возникло новое уведомление.

Это было голосовое сообщение от неизвестного контакта. Без подписи. Одиннадцать секунд.

Она не включила его. Показала Климовой.

— Сможем сохранить, — ответила та. — Ничего пока не воспроизводите.

Но телефон Иры уже зазвонил.

На экране высветилось: «Мама».

— Да? — сказала Ира, отходя к машине.

Виктория увидела, как у подруги меняется лицо. Сначала недоумение, потом страх, потом какая-то жесткая сосредоточенность.

— Нет, мам. Я здесь. Я не… Где ты это увидела? Не переходи по ссылкам, слышишь? И никому ничего не отправляй.

Она отключилась и посмотрела на Викторию.

— Маме прислали видео, где ты говоришь, что я умерла.

Виктория почувствовала холод. Никто не предупреждал Ирину мать, что этот день станет для неё испытанием.

— Я с ней поговорю.

— Не надо. Она не поверит твоему голосу. Она уже не верит.

Ира села в полицейскую машину. Виктория опустилась рядом и вдруг поняла, чего до сих пор не замечала.

Убийца не только показывал ей её вымышленное будущее.

Он заставлял всех, кого она любила, заранее оплакивать людей, которые были ещё живы.

И каждый новый ролик отнимал у них немного сил, которые могли понадобиться, когда настоящая беда наконец случится.

Климова закрыла дверь.

— Поехали, — сказала она водителю.

На парковке, в нескольких метрах от них, из-за грузовика медленно выехала белая машина. Она не стала следовать за полицейской. Повернула в противоположную сторону и исчезла за шлагбаумом.

Внутри сидел мужчина в сером пальто.

Он смотрел не на дорогу, а на экран телефона, где только что завершилась отправка одиннадцатисекундного сообщения.

На экране было лицо Виктории.

Мужчина удалил черновик. Отложил телефон и задержал руку на руле, пока полицейская машина не исчезла за поворотом.

Глава 4. Когда камера выключена

В отделе Климова включила запись с голосовым сообщением через служебное устройство. На ней Виктория слышала собственный голос:

— Ирина в порядке. Не волнуйтесь, я рядом. Сегодня вечером всё закончится.

Дальше следовали пять секунд тишины. В конце будто хлопнула дверь автомобиля.

— Я этого не говорила, — сказала Виктория.

— Мы пока не утверждаем, кто говорит, — ответила Климова. — Нам важно, как сообщение поступило и с какого адреса.

— Но он может отправить это кому угодно.

— Да.

Через несколько минут пришёл Назаров. Он положил перед ней кадр с камеры торгового центра: мужчина стоял между стеллажами, лицо было видно в профиль.

— Похож? — спросил он.

Виктория наклонилась. Серое пальто, тёмные волосы, приподнятый подбородок. В магазине она видела его с другой стороны, но узнала сразу.

— Это он.

— Вы уверены?

— Уверена, что видела этого человека. Уверена, что он подошёл к нам сегодня в подъезде. И что он похож на мужчину во дворе.

Назаров кивнул.

— Вот так и надо формулировать. Мы установили, что он оплатил покупку наличными. Вышел через соседний вход. Машину пока ищем.

Назаров отметил время и убрал фотографию. Виктория задержала взгляд на пустом месте: впервые ей показали его изображение, которое не прислал он сам.

— У меня вопрос о Елизавете, — сказала она. — Ко мне подходила её сестра Лидия. Рассказала про компанию «Персона».

Назаров поднял глаза.

— Вы говорили с родственницей погибшей без нас?

— Она сама подошла у отдела. Мы разговаривали в пекарне. Я ничего от неё не скрыла. Но не обещала, что буду молчать.

— Хорошо, что сообщаете. Она рассказывала про вещь, которая выкатилась из сумки?

— Футляр. Да.

— И про кольцо?

Виктория кивнула.

— Мы нашли футляр, — сказал Назаров. — Обычная пластиковая коробка для беспроводного наушника. Самих наушников внутри не было. Пока это ни о чём не говорит.

— А кольцо?

Он закрыл папку.

— С кольцом ещё разбираемся.

— Он посмотрел на её руку.

— Вы это уже говорили.

— Я не хочу вам мешать.

— Тогда пока не пересматривайте всё подряд. Расскажите один раз то, что помните сами, а про слова сестры мы поговорим с ней отдельно.

Виктория прикусила щёку изнутри. Ей хотелось помочь, а выходило, что даже воспоминаниями теперь можно было навредить.

Назаров встал.

— Сейчас отвезём вас к подруге. Адрес временного проживания оставите Климовой. Если что-то придёт — сохраняйте, но не открывайте неизвестные ссылки. И, пожалуйста, не ищите этого человека самостоятельно.

— Он сам нас ищет.

— Поэтому и прошу.

За дверью Виктория встретила Иру. Та стояла возле окна и разговаривала по телефону с матерью, объясняя, что жива. Голос у неё был терпеливый, почти детский.

— Мам, я сейчас рядом с Викторией, — повторяла она. — Нет, это не запись. Мы потом поговорим по видеосвязи. Да, сейчас приедем.

Услышав знакомую фразу «по видеосвязи», Виктория почувствовала бессильный ужас. Чужой голос можно подделать, чужое лицо можно нарисовать. Что ещё останется, когда Ирина мать перестанет верить даже разговору с дочерью?

Ира обернулась, заметила её выражение и отключила телефон.

— Что?

— Ничего. Просто подумала: в какой момент люди начнут требовать друг от друга доказательств, что они настоящие?

— А мы им не дадим, — сказала Ира. — Я своей матери расскажу, где лежат её зимние сапоги, которые мы прятали в прошлом году. Пусть нейросеть попробует.

— Она может спросить у тебя и это. Если ты когда-нибудь писала об этом.

— Значит, расскажу ей что-нибудь новое. Мы вообще-то живём дальше, Вика. Даже если кто-то очень хочет обратного.

На ступенях отдела Ира вдруг остановилась.

— Ты знаешь, что мне не нравится? — спросила она.

— Что?

— Он всё время обращается к тебе. Моё лицо, моё имя, мои страхи — это как реквизит для его разговора с тобой. А я ведь тоже здесь.

Виктория повернулась к ней.

— Ира…

— Нет, дослушай. Если он меня выбирает для следующего видео, он рассчитывает, что ты бросишься спасать меня и сделаешь всё, что ему нужно. Но я не хочу быть твоим слабым местом. Я хочу хотя бы иметь право решать, что делать со своей жизнью.

Виктория долго смотрела на неё. За последние сутки она успела придумать десятки способов защитить подругу, не спросив, какие из них та готова принять.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда договоримся иначе. Если он начнёт писать тебе, ты не будешь скрывать. И я не буду решать за тебя.

— А если понадобится убежать?

— Побежим обе. В кроссовках.

Ира усмехнулась.

В этот момент у Виктории зазвонил телефон. На экране появилось имя Дениса.

— Я кое-что проверил, — сказал он. — И тебе нужно приехать в студию.

— Нет, — ответила она. — В студию я сейчас не поеду.

— Не к нам. В соседний корпус. Там есть маленькая аппаратная внизу, где обслуживают наружные камеры. У меня с ними договорённость — покажут системный журнал. Утром я обнаружил, что самый ранний фальшивый ролик использует звук с камеры охраны, а не с твоего телефона.

Виктория перестала дышать.

— На моём видео звука двора почти нет.

— Именно. А в самой ранней подделке есть звук открывающейся железной двери. Значит, человек работал минимум с двумя источниками. И кто-то имел доступ к записям охраны до того, как приехала полиция.

Она взглянула на Иру.

— Денис, — сказала она, — ты уже сообщил Назарову?

— Пока нет. Хотел сначала убедиться.

— Сообщи. И не ходи туда один.

— Вика, я же не ребёнок.

— Я тоже до вчерашней ночи так думала.

В трубке зашумела вентиляция. Денис хотел что-то ответить, но Виктория услышала ещё один голос — мужской, близкий, будто говоривший рядом с ним.

— Можно без камеры? — спросил голос.

Связь оборвалась.

Она тут же набрала обратно.

Вызов прошёл, потом ещё один. Никто не взял трубку.

Ира уже смотрела на её лицо.

— Что случилось?

— Денис в соседнем корпусе. Он нашёл, откуда брали кадры. И рядом с ним кто-то есть.

Виктория повернулась к дверям отдела.

На этот раз ей пришлось вернуться внутрь не ради очередного объяснения собственного видео.

Она вернулась, потому что живой человек мог оказаться в опасности прямо сейчас.

Денис не отвечал семь минут.

Виктория знала точное время, потому что считала вызовы. После третьего перестала прикладывать телефон к уху — положила его на край стола в кабинете дежурного, включила громкую связь и смотрела, как соединение снова и снова обрывается на одинаковой ноте. Ира сидела рядом. Они не разговаривали.

Назаров отправил сотрудников к типографии сразу после её рассказа. Записи разговора у Виктории не было; она повторила услышанную чужую фразу и назвала время звонка.

— «Можно без камеры?» Именно так?

— Да. И голос был совсем рядом с ним. Денис мог находиться в аппаратной.

— Он говорил вам, с кем встречается?

— Нет. Только с людьми, которые обслуживают камеры.

Назаров набрал охрану типографии. Разговор занял меньше минуты. Когда он отключился, у него изменилось лицо.

— У них нет договорённости на показ журналов. Дежурный мастер сегодня не работает. Денис туда не записан.

— Но он был там. Я слышала вентиляцию.

— Я не спорю.

Телефон зазвонил раньше, чем он успел сказать что-нибудь ещё.

Назаров слушал, поджав губы, потом коротко произнёс:

— Медиков к месту. И сохраните всё до прибытия группы.

Виктория вцепилась в край стола.

— Он жив?

— Да. Его нашли в подсобном коридоре. В сознании, с травмой головы. Пока больше ничего.

— Кто напал?

— Не знаем.

Она вышла в коридор, потому что в кабинете становилось нечем дышать. У окна на втором этаже стоял автомат с кофе, на нём было написано «Больше энергии каждому дню». Виктория упёрлась ладонями в холодный подоконник. За стеклом люди курили возле забора. У одной женщины порвался пакет, апельсины рассыпались по асфальту, и незнакомый мужчина стал помогать их собирать.

Мир продолжал существовать без всякого монтажа. Ей хотелось ненавидеть его за это.

Ира подошла сзади.

— Он жив, Вика.

— Я попросила его не ходить туда одного.

— И он не послушал. Он взрослый человек.

— Если бы я вчера не попросила искать первую подделку…

— Он сам предложил помочь.

Виктория провела пальцами по синякам на руке.

— Я начинаю понимать, что убийце достаточно угрожать не мне, а всем, кто решит быть рядом.

— Поэтому он и выбирает их. Не потому, что они слабые. Потому, что ты не выдержишь за них бояться.

Виктория обернулась. Ира смотрела на неё устало, но спокойно.

— Ты хочешь, чтобы я перестала тебе помогать?

— Нет.

— Тогда не принимай за меня решение. Мы только что об этом договорились.

Через час Климова привезла телефон Дениса в прозрачном пакете. Его самого увезли в больницу, состояние было стабильным. В аппаратной обнаружили следы борьбы; двери не взламывали. Коридорная камера не сохранила часть записи, зато до этого успела снять трёх вошедших.

— То есть опять ничего не сняли, — сказала Виктория.

— Сняли достаточно, чтобы установить время появления трёх человек, — ответила Климова. — И пропуск одного из них уже проверяют.

Она произнесла это с явным удовольствием человека, которого раздражают чужие недооценки.

— Какого пропуска?

— Подрядчик по обслуживанию, — вмешался Назаров. — Пока без подробностей. Мы не хотим, чтобы он узнал о проверке из городского канала раньше, чем мы его найдём.

Виктория кивнула. Первый раз за всё время она поняла, насколько опасно было бы выложить в интернет случайно замеченную подробность. За каждой такой подробностью кто-то мог наблюдать не из праздного любопытства.

Денис позвонил сам около пяти вечера.

Виктория ответила на первый сигнал.

— Я живой, — сказал он сипло. — Сразу говорю, чтобы ты не устроила похороны раньше времени.

— Ты в больнице?

— Да. В голове будто сабвуфер застрял.

— Денис, что произошло?

— Я хотел посмотреть, кто заходил к охране в тот вечер. Мне пообещали помочь. Пришёл человек в форме обслуживающей компании. Сказал, что у них приказ выключить камеры на время проверки. Я спросил, кто дал приказ. Он спросил, можно ли поговорить без камеры. А дальше…

Денис надолго замолчал.

— Не заставляй себя вспоминать сейчас, — сказала Виктория.

— Нет, послушай. Меня не сразу ударили. Он сначала спросил, откуда у меня самый ранний ролик. Не «видео Виктории». Именно «самый ранний». Значит, он знал, что я нашёл.

— Ты видел лицо?

— Видел. Только не успел запомнить. Он был в очках и кепке. Голос негромкий. Почти вежливый. Я решил, что это обычный инженер. Потом он хотел забрать мой телефон. Я сказал, что всё уже передал полиции. Соврал. Он ударил.

Виктория ощутила холод в животе.

— Прости.

— Даже не начинай. Я сам туда полез. И, Вика, ты не представляешь, насколько я был уверен, что в чужой аппаратной мне ничего не грозит. Я профессионал. Я же всё понимаю. А потом у человека просто оказалась сильнее рука.

Он болезненно рассмеялся и закашлялся.

— А рука? — спросила Виктория.

— При падении вывернул. Врач посмотрел, перелома нет. Тут всё сразу, не успеваю перечислять.

— Ты сообщил Назарову, что он спрашивал именно про ранний ролик?

— Уже. И ещё. Там, в аппаратной, на стене висела табличка с телефоном сервисной компании. «Атлас-медиа». Ты такое слышала?

— Нет.

— Они обслуживают часть экранов и камер в старых коммерческих зданиях. Я думал, это обычный подрядчик. Теперь не уверен, что пришёл сотрудник этой фирмы. Но человек вошёл так, будто его никто не мог остановить.

Они попрощались. Виктория выключила экран. Ей хотелось открыть поисковик и узнать всё об «Атлас-медиа», но она вспомнила просьбу Назарова: не вмешиваться в следствие своими догадками. Она сделала то, что могла: пересказала разговор следователю дословно.

В семь вечера в сети появился ролик из аппаратной. Денис стоял рядом с мужчиной в рабочей куртке. Между ними начинался спор, и Денис будто бы первым поднимал руку. Следующий кадр показывал лежащего на полу человека. Лица нападавшего не было видно.

«Монтажёр свидетельницы напал на техника, пытаясь похитить записи камер».

Виктория посмотрела это один раз.

Затем закрыла.

— Ничего выкладывать не будешь? — удивилась Ира.

— Нет. Мы знаем, что Денис в больнице. Полиция видела аппаратную. Этот ролик нужен не следствию. Он нужен мне, чтобы я опять побежала оправдываться.

— И что будешь делать?

Виктория некоторое время молчала.

— Навещу Дениса. Но сначала спрошу, можно ли.

Она связалась с Климовой. Та пообещала согласовать короткий визит и попросила не публиковать номер больницы.

Виктория положила телефон. За окном зажигались окна соседних домов. Где-то внизу мужчина вёл за руку маленькую девочку, которая прыгала через каждую вторую плитку на тротуаре. Девочка споткнулась; мужчина поймал её, и они оба рассмеялись.

Виктория смотрела на них до тех пор, пока они не скрылись за углом.

— Ты никогда не думала, — спросила она Иру, — что самое страшное в ролике не то, что он может обмануть? А то, что он заставляет людей перестать помогать друг другу. Денису сейчас делают больно — а кто-то уже спорит, заслужил он это или нет.

Ира ничего не ответила. Протянула руку и положила ладонь поверх Викториной.

Никто из них не потянулся за телефоном.

Квартира Иры была просторнее Викториной и гораздо менее прибранной. В прихожей стояла велосипедная рама без колёс, на кухонном столе лежали три разных зарядных устройства и книга, раскрытая вверх корешком. В центре гостиной помещался большой круглый стол, за которым они обычно пили чай, пересказывая друг другу неудачные свидания. Теперь стол заняли телефоны, зарядки, пакеты с вещами и лист бумаги, где Ира крупными буквами записала номера дежурных служб и фамилию Назарова.

— На случай, если интернет решит, что он нам больше не нужен, — объяснила она.

На краю стола Ира оставила узкую полоску свободного места для рабочего ноутбука. Начальнице она написала, что в понедельник подключится из дома. В пятницу успела сорвать одну встречу и теперь до полуночи отвечала людям, которые ничего не знали о сером пальто. Когда Виктория предложила уйти в другую комнату, Ира подвинула ей стул: «Сиди. Только не говори клиентам, что я сегодня никого не убила».

Виктория приняла душ. Горячая вода щипала плечо, которым она ударилась о стену на лестнице. Она долго сидела на краю ванны, завернувшись в полотенце. Потом сняла синяки на предплечье и отправила фотографии Климовой.

На кухне Ира разговаривала с матерью. Говорила то тише, то громче, потом резко замолчала.

— Что случилось? — спросила Виктория, когда она вошла.

— Мама хочет, чтобы я немедленно переехала к ней. И чтобы ты туда не приезжала.

— Разумно.

— Она сказала, что видела, как ты меня убиваешь.

— Но ты же с ней говоришь.

— Она говорит, что голос тоже можно подделать. И просит прислать фотографию сегодняшней газеты с моим лицом. Представляешь? Газету! В двадцать шестом году.

Ира села за стол. Виктория заметила, что у неё трясётся нижняя губа.

— Может, съезди к ней, — предложила она. — Покажешься лично.

— А ты?

— Останусь здесь. Или попрошу Назарова подсказать другое место.

— Не надо делать из меня заложницу твоей безопасности.

— Я и не делаю. Я хочу, чтобы твоя мама спокойно уснула.

Ира помолчала, потом взяла ключи.

— Ладно. Я съезжу. Ты сообщишь Климовой, что останешься дома одна. И на незнакомые номера не отвечай.

Ира договорилась с соседкой Светой, что та заглянет, и оставила Климовой точный адрес. Перед выходом вернулась за рабочим ноутбуком: у матери можно было закончить хотя бы часть пропущенного за день.

После её ухода квартира сразу потеряла размер. На столе осталась чашка с недопитым чаем. Из-за стены доносился телевизор соседа. Виктория прошла по комнатам, проверила двери и решила включить музыку. Выбрала старую запись фортепианного концерта, который отец ставил по воскресеньям, когда она была маленькой. Музыка показалась слишком громкой, потом слишком тихой. Она выключила.

В десять минут девятого ей позвонил незнакомый номер.

Она не ответила.

Через полминуты пришло сообщение: «Мы знаем, что ты дома одна».

Виктория сделала скриншот, отправила Климовой номер и текст, не вступая в разговор. Полицейская ответила: «Приняла. Дверь не открывайте. Проверяем источник».

Потом позвонил домофон.

Виктория замерла посреди кухни. Звонок повторился. На экране домофона высветилось лицо пожилой женщины с пакетом продуктов. Незнакомка смотрела прямо в объектив и держала в руке что-то вроде квитанции.

— Вам доставка, — сказала она.

— Я ничего не заказывала.

— Тут адрес указан. Поднимите, пожалуйста. Тяжело стоять.

Виктория не нажала кнопку. Женщина нахмурилась, опустила пакет, стала разбираться в бумагах.

— Извините, — ответила Виктория, — оставьте у консьержа. Я не открою.

— У вас же консьержа нет.

Это было правдой.

Экран погас. Виктория стояла неподвижно, пока в коридоре не затарахтел лифт. Затем позвонила Климовой и сообщила о доставке. Полицейская попросила описать женщину и не спускаться.

Через пять минут позвонили в дверь квартиры. Виктория посмотрела в глазок: на площадке стоял сосед из квартиры напротив.

— Мне женщина у входа ваш пакет отдала. Поднимался из магазина, она и сунула. Оставить возле двери?

В прозрачном пакете что-то перекатилось. Виктория отступила от двери.

— Поставьте, пожалуйста. И ничего не открывайте.

— Почему?

— Это не моя посылка. Я уже вызвала полицию.

Сосед замолчал.

— А, это из-за тех роликов, да? — спросил он.

— Пожалуйста, не трогайте.

Климова приехала через сорок минут. С ней был сотрудник в форменной куртке. Они осмотрели пакет, поговорили с соседом, попросили Викторию оставаться внутри. В пакете лежали бананы, пачка чая и открытка без подписи. На открытке была фотография Виктории с Ирой — та самая, что стояла у неё на туалетном столике, с прошлого лета, под навесом кафе.

На обороте кто-то написал обычной шариковой ручкой: «Живым людям нужны живые доказательства».

— Это могли распечатать из соцсетей, — сказала Климова.

— Знаю.

— Женщину по домофону найдём. Может, курьер. Может, подставное лицо.

— Я не узнала её.

Климова кивнула.

Виктория ожидала, что полицейская предложит ей уехать. Вместо этого та спросила, может ли она выдвинуть стул и сесть на минуту. Виктория принесла чистую чашку. Они молча пили чай.

— Почему вы так спокойны? — спросила Виктория наконец.

— Я не спокойна. Я просто стараюсь не передавать вам свой страх. Это разные вещи.

— Вам не кажется, что он играет со всеми нами?

— Кажется. Но пока вы называете это игрой, у него получается выглядеть сильнее, чем он есть. Он обычный человек. Он ошибается, оставляет следы, пользуется чужой помощью. И когда-нибудь перестанет успевать всё контролировать.

Виктория вспомнила слова Елизаветы, пересказанные Лидией о человеке, который не спорит с фактами. Климова ничего не знала об этой фразе, но говорила о том же с другой стороны: чем больше настоящий мир отказывался подчиняться чужому сценарию, тем меньше сил оставалось у того, кто его сочинил.

Когда полицейская ушла, пришла Ира. Она была бледная и раздражённая.

— Ну, — сказала она, — мама меня ощупала. Проверила, нет ли у меня грима. Потом спросила, не робот ли я. Я спросила, кто из нас двоих должен лечиться от просмотра интернета.

Виктория не удержалась от смеха. Ира тоже рассмеялась, потом заплакала так неожиданно, что обе испугались.

— Она так боялась, Вика, — сказала Ира. — И я не могу её винить. У неё действительно было видео, на котором я лежу мёртвая. Она видела меня собственными глазами на экране. Кто угодно бы испугался.

Виктория обняла её. Они стояли так долго, пока не зазвонил телефон Иры.

На экране была мать.

— Мам, я дома, — сказала Ира.

Голос женщины звучал тихо и виновато.

— Я хотела спросить, как Виктория.

Ира посмотрела на подругу, включила громкую связь.

— Живая, — ответила Виктория.

— Простите меня, девочки. Я сегодня наговорила лишнего. Я же знаю вас обеих.

Виктория неожиданно почувствовала, что ей хочется плакать сильнее, чем Ире.

— Всё нормально, — сказала она.

— Нет, не нормально, — ответила женщина. — Но я завтра приеду, привезу еды. Не изображайте, что вас кто-то кормит.

Виктория ещё долго сидела у выключенного телефона. Мать Иры обещала привезти еды; никто не потребовал от неё доказать, что этот разговор действительно состоялся.

Уже перед сном Климова прислала короткое сообщение: женщина с доставкой оказалась обычным курьером, которого попросили вручить пакет возле подъезда и не спрашивать фамилию получателя. Заплатили заранее. Она дала показания.

Виктория закрыла чат.

На её телефоне открылось новое уведомление — не с угрозой и не с видео. Приложение облачного архива сообщало, что один из старых входов в аккаунт завершён по её запросу. Она не отправляла такого запроса.

— Ира, — позвала она.

На кухне шумела вода.

— Что?

— У меня в облаке был ещё один подключённый сеанс.

Она зашла в настройки и увидела название устройства, которое не узнала. Не телефон, не компьютер. «Media preview terminal».

Сеанс был создан почти месяц назад.

Теперь появилась правдоподобная версия: запись могли получить из облака ещё до того, как она выложила её в сеть.

Однако сам сеанс возник ещё до убийства. Кто пользовался им в ту ночь и каким образом получил свежую запись, предстояло установить.

Глава 5. Доступ до публикации

Денис согласился разговаривать только после обеда. Врач разрешил ему сидеть, но не работать за компьютером и не напрягать глаза. Поэтому он лежал на больничной койке с закрытыми веками и говорил медленно, временами прерываясь.

Виктория приехала с Ирой и небольшим пакетом мандаринов. Климова позволила встречу на десять минут при условии, что они не станут расспрашивать Дениса о нападении. Для этого у него уже брали объяснения следователи.

— «Media preview terminal», — повторил Денис. — Это не модель устройства. Так сервисы иногда подписывают приложения, которые формируют уменьшенные копии медиа. Чтобы не загружать ролик целиком, когда ты просто открываешь предпросмотр.

— Но почему этот сеанс появился месяц назад?

— Потому что у тебя был вход через стороннюю программу. Какая именно — надо устанавливать. Ты ведь подключала облако к монтажным сервисам?

— Конечно. По работе.

— Некоторые просят разрешение на просмотр медиатеки. Большинство нормальные. Некоторые собирают больше, чем нужно. Но не считай само название доказательством взлома.

— Я уже прекратила сеанс и сменила пароль.

— Правильно. А ещё проверь список приложений, которым давала доступ. Не ищи там надписи «Убийца». Скорее увидишь что-то обычное, вроде «Быстрый предпросмотр».

Ира поставила пакет на тумбочку.

— Денис, — сказала она, — можно глупый вопрос? Если человек получил доступ к облаку месяц назад, почему он просто не сделал подделки раньше?

Денис открыл глаза.

— Хороший вопрос. Возможно, раньше ему было нечего подделывать. Но если Виктория сняла убийство, а у него уже был доступ к медиатеке, он получил файл раньше, чем она нажала «Опубликовать». Это не означает, что он заранее знал об убийстве. Это означает, что он мог иметь технический доступ к её фотографиям и видеозаписям задолго до убийства.

— Значит, меня выбрали, — сказала Виктория.

— Не обязательно. Он мог следить за многими аккаунтами. Или иметь доступ к общему сервису, где хранились материалы разных людей.

— А если выбрали?

Денис посмотрел на неё с тем выражением, с каким объяснял монтажёрам, почему невозможно исправить расфокусированное изображение, добавив резкости.

— Тогда тебе придётся спросить не только «как получил видео», но и «почему именно моё». Только сначала узнай, какая программа получила доступ. И расскажи полиции.

Виктория уже сообщила Климовой о неизвестном сеансе и принесла распечатку настроек аккаунта, сделанную до выхода. Следователь обещал запросить журналы сервиса установленным порядком. Ни один пункт списка сам по себе не говорил, кто наблюдал за её файлами. Зато появилась проверяемая гипотеза.

Когда они вышли из больницы, Виктория остановилась возле уличного киоска с цветами. В прозрачном пластиковом ведре стояли розовые хризантемы, у некоторых уже подсохли края лепестков.

— Ты хочешь купить кому-то цветы? — спросила Ира.

— Лидии. Или на могилу Елизаветы. Не знаю.

— Ты можешь просто позвонить ей. Не обязательно превращать сочувствие в поступок, который она не просила.

Виктория кивнула и убрала руку от дверной ручки.

На телефон пришло сообщение от Лидии Коршуновой. Всего две строки:

«Нашла человека, который работал с Лизой до её ухода. Нина Сафонова. Она готова поговорить, но только при свидетелях. Никаких видео».

Под сообщением был указан адрес: небольшая театральная мастерская в бывшем Доме культуры.

— Ты не обязана туда ехать, — сказала Ира.

— Я знаю.

— Но поедешь.

— Сначала согласуем с Назаровым. Если он скажет не ехать, попрошу Нину прийти в отдел.

Назаров связался с Ниной и назначил официальный опрос. Та согласилась, но попросила сначала поговорить с Лидией и Викторией: ей хотелось увидеть женщину, снимавшую Лизу, и показать материалы, о которых собиралась рассказывать. Климова поехала с ними.

В итоге согласовали встречу в мастерской при участии Климовой. Виктория настояла, чтобы Ира оставалась в другом помещении. Подруга долго спорила, потом согласилась, но поставила условие: если что-нибудь покажется подозрительным, Виктория не будет пытаться разобраться сама.

Здание Дома культуры пахло пылью, старой краской и крепким кофе. В мастерской, устроенной на месте бывшего танцевального зала, стояли картонные декорации, рулоны чёрной ткани и три прожектора на высоких треногах. В углу на стуле сидела Нина Сафонова — невысокая женщина с обесцвеченными волосами и лицом, на котором усталость давно стала привычным выражением.

Лидия обняла её, потом представила Викторию.

Нина не протянула руку.

— Мне нужно сначала посмотреть на вас без экрана, — сказала она. — Извините.

Виктория осталась стоять.

— Смотрите.

— Лиза предупреждала, что когда-нибудь этот человек заставит свидетеля выглядеть виновным, лишь бы спасти себя, — произнесла Нина. — Теперь я вижу, что она имела в виду.

В мастерской стало тихо. Климова закрыла дверь.

— Когда говорила? — спросила она.

— За день до смерти. Она говорила о женщине-монтажёре из типографии и о встрече, на которую собиралась. Я не поняла, зачем ей чужое окно, и не расспросила. А ещё она вспомнила старую работу Глеба: тогда свидетельницу настоящего нападения пытались превратить в виновницу. Лиза боялась, что он повторит этот приём, если окажется загнан в угол.

У Виктории похолодели ладони.

— Лиза знала, кто я?

— Да, похоже. Но не думайте, будто она предсказала убийство. Она говорила о его старых методах, о том, как он обращается со свидетелями. После случившегося я перечитала нашу переписку и поняла, чего именно боялась Лиза.

— Почему не сообщили полиции сразу?

— Сообщила сегодня утром. Но мне сказали ничего не пересылать журналистам, и я не пересылала. Лидия попросила поговорить с вами лично.

Климова предложила Нине начать с того, что она знает о работе Елизаветы. Женщина села ровнее, положила ладони на колени.

— Мы делали цифровых ведущих. Это не преступление. Человек подписывает согласие, его снимают, записывают голос, создают аватар, он начинает произносить утверждённые тексты. Компании экономят на съёмках. Но Лиза отвечала за согласия актёров и за то, чтобы им не приписывали то, чего они не говорили. Она была занудой. Очень нужной занудой.

Нина нервно улыбнулась.

— Потом появился новый заказчик. Не реклама товаров. Услуга называлась «репутационная защита». Когда в сеть попадало видео с настоящим нарушением, клиенту предлагали не просто опровержение, а альтернативный контент. Десятки похожих роликов. Разные версии. Подписчики спорят, оригинал тонет. Кто-то из наших даже называл это «погасить правду шумом».

— Вы участвовали? — спросила Климова.

— Я занималась лицами актёров. Видела подготовку нескольких роликов, но не знала, для кого они предназначены. Потом поняла по новостям. Один ролик касался драки в ресторане. Другой — нападения на женщину в офисном коридоре. Человек, которого обвиняли на настоящей записи, через неделю стал «жертвой провокации». Все спорили, было ли нападение вообще.

Виктория почувствовала, как учащается пульс.

— Вы можете назвать заказчика?

— Не всех. Но Лиза могла. У неё были контакты тех, кто заказывал проекты. Когда она начала возмущаться, её убрали. Сказали, что направление временно закрыто.

— А оно не было закрыто, — сказала Лидия.

— Нет. Просто стало называться иначе.

Нина встала и подошла к широкой чёрной ткани, натянутой между стенами мастерской. На ткани были прикреплены небольшие бумажные метки на уровне человеческого лица. Она коснулась одной из них.

— Два месяца назад Лиза пришла ко мне сюда. Хотела проверить одну мысль. Мы сняли короткую сцену с актёром на чёрном фоне, а потом сделали несколько фальшивых версий. В каждой он произносил разные слова. Всё выглядело правдоподобно. Но в системе нашей компании у некоторых роликов появлялась отметка о происхождении, которую заказчик называл «подтверждением оригинала».

— Цифровая подпись? — спросила Виктория.

— Примерно. Я не технический специалист. Знаю только, что отметка свидетельствовала о программе, через которую экспортировали видео, и об организации, которая его выпустила. Она не доказывала, что событие происходило на самом деле. Но покупатели показывали знак как доказательство достоверности.

— И Лиза пыталась это остановить?

— Она хотела, чтобы компания открыто разъяснила разницу. А кто-то решил заработать именно на том, что зрители её не понимают.

Климова записывала, не поднимая глаз.

— Назовите людей, которые руководили направлением.

Нина помедлила.

— По документам один. На встречах другой. Внешний продюсер. Он не любил фотографироваться. Объяснял, что его клиентам важна анонимность. Он представлялся Глебом Черновым. Но Лиза говорила, что это ненастоящая фамилия.

Климова попросила описать мужчину. Нина перечислила рост, волосы, манеру говорить. Виктория слушала и ощущала, как под ногами смещается пол.

— Вы можете узнать его по фотографии?

— Если он не сильно изменился.

Нина открыла старую фотографию с презентации «Персоны». На переднем плане улыбались ведущие и менеджеры. На краю кадра, возле световой стойки, стоял высокий мужчина с зачёсанными назад волосами. Он не смотрел на объектив.

Виктория подалась вперёд. Она узнала его раньше, чем успела обдумать увиденное.

— Это тот, кто напал на меня, — сказала она.

Климова попросила Нину сохранить исходную фотографию и не пересылать её другим свидетелям до официального осмотра.

У убийцы появилось имя, названное человеком, который прежде работал с ним. Но Виктория не испытала облегчения.

Именно в эту минуту она поняла, что оно может ничего не изменить.

Когда Нина произнесла «Глеб Чернов», Лидия села на ближайший стул. Она не вытерла слёзы, просто оставила их течь.

— Лиза называла его иначе, — сказала она. — Глебом называла. Фамилию никогда.

— Так и запишем, — ответила Климова. — Нужно установить, кто он по документам и под какими именами работал.

Виктория смотрела на фотографию мужчины. Ей казалось, она должна испытать ярость, облегчение или триумф. Вместо этого появилась странная усталость. Человек, который сжимал ей руку на лестнице и улыбался под дождём, не перестал быть опасным оттого, что кто-то назвал его Глебом.

Нина попросила воды. Пока она пила, Виктория подошла к окну мастерской. Внизу несколько подростков отрабатывали танцевальные движения перед камерой. Они снимали себя по очереди, смеялись, перезаписывали, пока не получалось красиво. Обычная работа с изображением: повторить, выбрать, показать лучший дубль. Знакомый мир, в котором она зарабатывала на жизнь.

— Он говорил с вами лично? — спросила Виктория у Нины, не оборачиваясь.

— Несколько раз.

— Как он относился к Лизе?

Нина долго думала.

— Как к человеку, который слишком много понимает. Он не спорил с ней о том, что правильно. Просто в какой-то момент переставал отвечать на её вопросы. Это выводило её из себя. Она приходила на встречи подготовленной, с цифрами, с образцами записей, а он говорил: «Нам нужно не выяснить, кто прав, а понять, что будут делать зрители».

— Он выглядел жестоким?

— Нет. Он выглядел скучающим. Это даже хуже. В какой-то день мы говорили о девушке, которую в сети обвиняли в нападении на прохожего. Я сказала, что ей, наверное, страшно выходить из дома. Он спросил: «А сколько просмотров у её последнего обращения?» Не от злости. Он правда думал о просмотрах.

Климова уточнила даты встреч и записала адреса. Нина вспоминала, щёлкая ногтем по стакану; однажды перепутала гостиницу с бизнес-центром и сама себя поправила.

— Он всё время говорил о том, что видео — это договор между тем, кто снимает, и тем, кто смотрит, — добавила Нина. — «Если зритель согласен верить, ничего больше не нужно». Лиза однажды ответила ему: «А если зритель посмотрит на умершего человека?» Он сказал: «Тогда надо сделать так, чтобы зритель смотрел в другое место».

После этих слов Климова попросила всех выйти, кроме Нины. Ей требовалось официально оформить узнавание и проверить сведения без присутствия Виктории, чтобы не смешивать свидетельские показания. Виктория послушалась. На лестнице Лидия неожиданно схватила её за локоть.

— Вы видели, как он убивал её. Он действительно не боялся?

— Я не могу знать, что он чувствовал.

— Но вы сказали, что смотрел на вас.

— Да.

— Мне кажется, Лиза хотела, чтобы его сняли. Поэтому она и пришла туда, где были окна студии.

Виктория вспомнила, как женщина ударила мужчину по лицу, как пыталась уйти и как упал её маленький футляр.

— Она не выглядела человеком, который рассчитывал умереть. Она защищалась.

Лидия закрыла лицо руками.

— Конечно. Простите. Я всё время ищу смысл, который объяснит, почему она там оказалась.

Виктория помогла ей сесть на ступеньку. Они молчали, пока внизу не открылась входная дверь.

Молодой человек в форме курьера поднялся на второй этаж, посмотрел в телефон и остановился перед ними.

— Извините, здесь мастерская «Белый зал»?

— Наверху, — ответила Виктория.

Курьер поблагодарил. Его лицо было закрыто медицинской маской, на голове — бейсболка. Он прошёл мимо Лидии, но прежде чем подняться, посмотрел Виктории прямо в глаза.

Взгляд длился меньше секунды.

И всё же она узнала его.

Он посмотрел так, словно ждал её реакции. В служебном проезде мужчина тоже задержал на ней взгляд, и память поспешно подставила знакомое лицо.

— Стойте, — сказала Виктория.

Курьер замедлил шаг, обернулся.

— Что?

Она не знала, что ответить. У него были другие глаза. Моложе. На рукаве — фирменная нашивка доставки. Она могла сейчас обвинить незнакомца только в том, что он посмотрел на неё не так.

— Вы кому заказ привезли?

— В мастерскую. Световые стойки. Третий этаж.

Он показал экран заказа. Имя получателя было незнакомым. Лидия тронула Викторию за руку.

— Всё нормально?

Курьер ушёл наверх. Виктория почувствовала стыд.

— Нет, — сказала она. — Я больше не могу смотреть на мужчин спокойно.

Вниз спустилась Климова. Услышав про курьера, она попросила назвать время и описание. Ни обвинять, ни успокаивать Викторию не стала. Через несколько минут сотрудник мастерской подтвердил, что действительно ждёт доставку стоек. Курьер оставил коробки и уехал. Никакой связи с делом не обнаружилось.

Курьер даже не оглянулся на неё. Виктория почувствовала, как горят щёки.

— Простите, — сказала она Климовой.

— За что? Вы сообщили наблюдение. Мы его проверили. На этом всё. Не нужно превращать каждую ошибку в катастрофу.

Когда они вышли на улицу, её телефон завибрировал. На экране появилось уведомление из социальной сети: «Пользователь Глеб Чернов упомянул вас в публикации».

Профиль был создан семь лет назад. Фотографий почти не было, только старые посты о кино, кофе и путешествиях. В последнем сообщении стояло видео: Виктория в холле отдела, сидит возле автомата и говорит в камеру:

— Я знаю, кто убил Елизавету. Его зовут Глеб Чернов. Если со мной что-нибудь случится, виноват он.

Она никогда не произносила этих слов.

Под видео стояла подпись: «Очередная постановка? Скоро узнаем».

Виктория показала ролик Климовой.

Климова набрала номер и отошла к стене. Говорила тише, чем прежде; Виктория расслышала только название канала и просьбу сохранить точное время публикации.

— Ролик вышел после вашей встречи с его бывшей коллегой, — сказала она, закончив разговор.

— Значит, это правда он?

— Он мог предположить, что Нина назовёт его. Чтобы написать это видео, не обязательно было слышать нашу беседу. Но почему публикация появилась именно сейчас, мы проверим.

Виктория посмотрела на окна Дома культуры.

В мастерской оставались Нина и несколько сотрудников. Лидия стояла рядом. На улице ходили люди. Всё выглядело обычным.

Виктория посмотрела на дверь мастерской. Ей уже хотелось перечислить всех, кто мог подслушать. Она остановилась: Глеб знал, с кем работал, и мог ждать, когда они обратятся к Нине. От этого ожидания тоже можно было защищаться.

— Нам надо уходить, — сказала она.

— Да, — ответила Климова. — И на этот раз не туда, где вы планировали ночевать.

Климова не стала везти их обратно к Ире. Вместо этого отвезла в гостиницу возле вокзала, где пахло ковровым покрытием и кофе из автоматов. На ресепшене она разговаривала сама. Виктория получила карточку от номера на четвёртом этаже и ощутила нелепую благодарность к тому, что никто не попросил её улыбнуться для фотографии.

— Здесь вы не под охраной двадцать четыре часа, — предупредила Климова. — Номер не называйте никому, даже друзьям. Если выходите — сообщите. И ещё. Завтра у вас будут официальные процедуры. Не пытайтесь узнать больше через знакомых.

Ира кивнула, но когда дверь за полицейской закрылась, села на край кровати и сказала:

— Мне тридцать шесть лет. У меня работа, квартира, мама, которой надо менять кран в ванной. А я прячусь в гостинице и на каждом созвоне вру, что у соседей ремонт.

— Тридцать семь, — поправила Виктория.

— Отлично. Стало ещё хуже.

Они не рассмеялись.

На столе стояла лампа с абажуром цвета мокрого песка. За окном было видно колесо обозрения — разноцветные огни вращались над низкими зданиями. Ира подошла к нему, постояла, закрыла шторы. Виктория достала телефон, но вместо новостей открыла настройки облачного архива. Запрос от техподдержки уже пришёл: для определения несанкционированного доступа требовалось подтвердить последние действия, после чего сервис обещал сохранить журналы входа на ограниченный срок.

— Ты опять работаешь? — спросила Ира.

— Пытаюсь вспомнить, кому сама разрешила смотреть мои видео.

Ира села рядом.

— Покажи.

В списке приложений оказалось двадцать три записи. Доставка еды, обработка фотографий, приложение для дизайнерских презентаций, давно забытая тестовая программа для цветокоррекции. Виктория листала медленно, стараясь не придумывать угрозу там, где видела только название.

На семнадцатой строке значилось «Persona Studio Preview».

Сеанс был активирован двадцать девять дней назад.

— «Персона», — сказала Ира. — Та компания, где работала Лиза?

Виктория прижала пальцы к губам.

Месяц назад Алексей попросил её протестировать сервис виртуальных ведущих для рекламной кампании. Сотрудник «Персоны» прислал пригласительную ссылку. Виктория

вошла через личный аккаунт, загрузила несколько собственных тестовых роликов и, не читая длинный список разрешений, нажала «Продолжить». Позднее они отказались от сервиса, а пробный доступ закончился. Она уже не вспоминала об этом.

— Я дала приложению доступ к фотографиям и видео, — произнесла она. — Не к рабочему диску, который Денис проверял. К моему личному архиву.

— И после окончания пробного срока он остался?

— Похоже, да. Но это ещё не значит, что кто-то смотрел. У приложения мог быть доступ, которым никто не пользовался.

— Ты говоришь, как Назаров.

— Он заразный.

Виктория отправила Климовой название приложения и время разрешения. Попросила сохранить историю обращений к архиву. Потом закрыла список: от двадцать четвёртого перечитывания старые галочки не исчезли бы.

Виктория положила телефон.

Она вспомнила, как Елизавета лежала на асфальте, а мужчина поднимал голову к её окну. До того вечера у чужого сервиса действительно был доступ к её архиву. Но разве это означало, что убийца планировал преступление при свидетеле? Скорее он мог воспользоваться старым доступом только тогда, когда понял: его сняли.

Она наконец поставила вопрос точнее: не «почему меня выбрали», а «в какой момент убийца получил мои файлы».

Ира достала из сумки маленький металлический термос. Виктория не заметила, когда подруга успела взять его из дома.

— Чай, — сказала Ира. — Невкусный, но горячий.

Они пили из пластиковых стаканчиков, пока за окном не погасло колесо обозрения.

Утром Виктории позвонил Алексей Семёнов. Он говорил торопливо, иногда прерывался, словно кто-то рядом давал ему советы.

— Вика, нам пришёл запрос из полиции. На все входы в тестовый сервис «Персоны». Ты ведь его подключала?

— Да. Но я уже сообщила об этом следователю.

— Почему не сказала мне раньше?

— Потому что узнала только вчера вечером.

— Ты понимаешь, что клиентские материалы могли попасть посторонним?

— Понимаю. И поэтому ты должен передать полиции настройки корпоративного аккаунта, а не решать со мной, как спасти презентацию.

Алексей надолго замолчал. Затем сказал совсем другим голосом:

— Я думал, что это очередной скандал из интернета. Прости. Мне позвонили родители Елизаветы Мироновой. Они спросили, почему на нашем сайте до сих пор стоит фотография двора, где убили их дочь.

Виктория вздрогнула. Она не знала, что родители Елизаветы видели сайт студии.

— Убери фотографию, — ответила она. — И напиши им, что мы передали записи следствию. Только ничего не обещай от моего имени.

Алексей согласился.

После звонка Ира спросила:

— Ты считаешь, он виноват?

— В том, что не прочитал разрешения сервиса? Возможно, да. Но я сама нажала кнопку. Больше всего меня злит, что я делала это каждый день. Пятнадцать секунд на согласие. На последствия — сколько угодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.